

КАТРИН КОРР

ПОДВОХ

Катрин Корр

Подвох

«Автор»

2020

Корр К.

Подвох / К. Корр — «Автор», 2020

Чтобы возглавить огромную компанию своего дедушки, Маркус Ротман необдуманно заключает пари с главным своим конкурентом. Чтобы оплатить учебу родного брата и помочь своим близким, Стефания соглашается выполнить необычную просьбу влиятельной семьи. Ему – кресло директора. Ей – большие деньги. И всё бы ничего, да ведь существует некий подвох... Мужская самоуверенность против женской ненависти: кто кого? И есть ли в этой взрослой игре место для настоящей любви?

© Корр К., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Катрин Корр Подвох

*** * ***

Пролог

Взрослый мужчина в темном костюме, который как и многие в его не слишком разнообразном гардеробе, был сшит на заказ, с усталой задумчивостью опустил тяжелые веки и почти неслышно, с неприятной горечью в горле, вздохнул. Тревога и опасения не отпускали его вот уже несколько месяцев, лишая заслуженного сна. Он считал, что не заслужил *таких* проблем, ведь усердно работал изо дня в день, был честен и великодушен, и каждое действие, слово, решение принимал на холодную голову во благо исключительно своей большой семьи.

– Честно, Арнольд, я не знаю, *что* со всем этим делать.

Поникший голос невестки, сидевшей на мягком кожаном диване цвета насыщенного темного винограда, расстраивал ещё сильнее. Тяжелые веки, что в молодости придавали мужскому взгляду особую таинственность, снова поднялись, да с таким трудом, словно прятали за собой старинный и заржавевший механизм.

– Никогда бы не подумал, что буду озабочен подобным, – наконец сказал он, бессмысленно глядя на сверкающий вечерний город, расстилающийся перед ним, как покорный слуга. – Я так и не смог заменить ему отца.

– Арнольд, перестань! Ты сделал слишком многое для него, даже больше, чем следовало. Не думаю, что на сегодняшнюю обстановку хоть как-то повлиял бы Ламмерт, царство ему небесное. Твой сын был слишком похож на тебя.

– Это плохо? – позволил он себе улыбку.

– Ни в коем случае. Вы беспредельно добры и вежливы. Но в сложившейся ситуации не помешала бы порка.

– Порка? – усмехнулся мужчина. Он обернулся и сложил руки на груди. – Луиза, ты намекаешь на ремень?

– Тридцатилетнего мужика с пустой головой навряд ли испугает ремень, но хорошенько проехать кулаком по его самодовольной морде не помешало бы!

Мужчина засмеялся и тут же закашлял. Его невестка, острая на язык, всегда умела лихо позабавить его и хоть на минуту избавить от чувства беспокойства.

– Бог мой, Луиза! Ты говоришь о собственном сыне!

– Не поверишь, я тут на днях подумывала нанять двух громил, чтобы всыпали ему как следует! Мне так осточертело видеть его лицо на обложках этих грязных изданий, Арнольд! А знаешь, что самое печальное? Всё, что желтая пресса пишет о нем, – настоящая правда. И эта чертова правда отражается на имидже нашей семьи, а «золотой переросток» совершенно этого не понимает, продолжая вести аморальный образ жизни!

– Ну-ну, милая моя Луиза, – тихо сказал мужчина и опустил на диван. Он обнял её за плечи, искренне сожалея, что такая роскошная женщина вынуждена терзать свою голову такими заботами. – В этом мире на каждую проблему есть свое решение. Нам нужно лишь отыскать его.

– Ты, как и всегда, слишком оптимистичен, Арнольд. Через пять месяцев ты покинешь пост главы компании и будешь, как и многие, тихонько сидеть в совете директоров и изредка посещать собрания. А вон туда, – указала она на широкий стол из черного стекла и благородного дуба, – сядет внучок твоего подлого младшего брата, который ни от деда, ни от своей злюки-мамаши абсолютно ни чем не отличается! Арнольд, я пришла в вашу семью двадцать лет назад, и, поверь, не было и дня, чтобы мне хоть на секундочку стала безразлична судьба огромной, великой компании, которую основал твой отец. И даже тогда, двадцать лет назад, не понимая и половины всего того, что здесь творится, я видела и чувствовала, насколько другим был взгляд на правление у твоего брата. И по сей день ничего не изменилось. Если Отто с

внуком займут это место – кардинальных перемен не избежать. От ваших с отцом трудов не останется и следа.

Несколько секунд мужчина молчал, с гордостью наблюдая за своей невесткой. А потом он взял её прохладную бледную руку в свою горячую ладонь и тихо сказал:

– Говоришь, как настоящая Ротман. Мой сын сделал правильный выбор, я никогда в этом не сомневался.

На женском лице промелькнула печальная улыбка.

– И вот скажи, как так вышло, что у нас получился такой... оболтус? Как? Ей-богу, кроме вечеринок, поездок, транжирства и девок, готовых расстилаться перед ним мягким пушистым ковриком, его ничего не интересует. Удивительно, что в этом своем «плотном графике» он находит время, чтобы приехать в офис на двадцать минуток! Он занимает место твоего заместителя совершенно незаслуженно! – воскликнула она. – У него же всё есть! Дом, деньги, машина, работа, семья, в конце концов! Нужно лишь стать хоть немного ответственным. Бога ради, Арнольд, ему тридцать лет! Другие в его возрасте рвут из-под себя землю, чтобы добиться успеха, достатка, а он... – Женский голос сорвался, не выдержав взрыва эмоций.

Он ни за что не скажет ей, что эти же мысли варились в его котелке уже слишком долгое время, ведь он – мужчина. Он – оставшаяся в их семье опора, которая хоть и потрескалась с годами и слегка покосилась, но все же продолжала крепко удерживать на себе шатающийся поддон великодушной половины Ротманов.

– Я удивляюсь, как ещё ни одна пустоголовая девица не заявила к нам с пузом, ведь этот мерзавец трахает всё, что видит!

– Луиза! С чего ты это взяла?

Женщина фыркнула.

– Почитай прессу, Арнольд. Узнаешь много интересного о своем внуке. Когда-то мы были с ним очень близки. Но однажды он просто отдалился от нас, забаррикадировался, как будто его семья – сущее зло! Как же нам вправить ему мозги? Как заставить воспринимать жизнь иначе? Научить ценить и уважать...

– Луиза, – вдруг задумчиво произнес мужчина, заставив невестку замолчать, – а что, если нам женить его?

Женщина, чьи длинные светлые волосы были изящно зафиксированы на макушке, повернула к свекру голову и на долю секунды позволила себе задуматься. Но потом на её светлом и узком лице проявились возрастные морщины, ведь она громко смеялась.

– *Женить?* Арнольд, бога ради, не шути так.

– А я вовсе не шучу, дорогая. Видишь ли, помнится мне, мой Ламмерт переживал нечто подобное в свои двадцать лет. Я так был поглощен работой, что даже не замечал, как именно мой сын развлекался. Конечно, свечек я не держал, но слухи в наших кругах ходили самые разные.

– Ты это о нашем Ламмерте говоришь? – искренне удивилась женщина. – Я ничего такого не припоминаю.

– Конечно, милая, ведь как только ты появилась в его жизни, Ламмерт стал интересоваться делами, оставил в прошлом гулянки и девушек. Он *влюбился*, Луиза.

– Ох, Арнольд! – воскликнула женщина и поднялась на ноги. Она расправила плотную ткань длинной юбки и начала ходить из стороны в сторону. – Есть существенная разница в этих двух ситуациях. Я тогда и понятия не имела, кем был Ламмерт, кто его семья и сколько у него денег. Я влюбилась в него, как в сына садовника, которым он мне и представился. А сегодня о Ротманах знает каждый. Думаешь, нам может повезти, и в качестве невестки попадетесь настоящему хорошая и достойная девушка, без коварных замыслов? Не думаю, Арнольд. Да и ты разве не знаешь своего внука? Кроме машин и гулянок, этот мерзавец никого не любит.

Нормальную и достойную девушку не заинтересует даже его огромное состояние. На это клюнет только жадная и подлая девица! Мой сын слишком испорчен и избалован.

– Не горячись, Луиза. Я уверен, что ты глубоко ошибаешься на его счет.

– Ей-богу, Арнольд! Твой оптимизм порой раздражает сильнее, чем те грязные статейки!

Нам нужно сохранить за собой место в компании! А мой непутевый сын – единственный к этому ключ.

Мужчина сдержанно выдохнул и тихо произнес:

– Как бы мне ни нравилась эта фраза, но сейчас она как нельзя кстати. – Он взглянул на невестку и решительно расставил руки на столе. – Деньги решают многое, Луиза. И, к счастью, они у нас есть.

– И что дальше?

– А дальше – самое сложное, но весьма интересное.

Глава 1

Собираясь на свою первую в жизни серьезную и настоящую работу, Стефания уже как год с лишним не изменяла себе в выборе строгой прически: пучок или низкий хвост без единого торчащего, словно антенна, волоска. В одежде она отдавала предпочтение светлому верху и темному низу, как в школе. Сегодня это были черная юбка-карандаш и белая рубашка с широкими манжетами. Кстати говоря, единственная рубашка, о высокой стоимости которой бережливая до денег Стефания не хотела вспоминать. Если бы не её младший брат, настоявший на этой дорогостоящей покупке, несколько тысяч рублей с радостью пополнили бы копилку на его дальнейшее обучение.

Как и всегда, с особым вниманием девушка оглядела свое отражение в мутном зеркале старинного трюмо на деревянных ножках, что, как скрючившийся дворецкий, покорно стоял в узкой прихожей. Она ещё раз пригладила непослушные волосы несколькими касаниями теплых ладоней, а потом пару раз взбрызнула «критические» места дешевым лаком, что порой стекал по рукам, и наспех протерла липкие пальцы влажными салфетками.

Всё. Вроде бы идеально.

Расправив плечи, Стефания достала из шкафа высокие замшевые сапоги, которые как чулки, обволакивали её стройные ноги, и невольно остановила взгляд на темных мужских кроссовках, носы которых были изрядно счесаны. Её брат Серафим был сущим брюзгой, когда дело касалось его собственного гардероба. Он всегда стремился разодеть сестру, то и дело внушая ей острую необходимость в платье или новых туфлях, а на себя же как будто жалел деньги.

– Сим? – позвала она его, закрывая кривую дверцу шкафа.

– Мм? – промычал девятнадцатилетний парень, держа в руках бутерброд.

– Ты все ещё купил себе осеннюю обувь. Я попросила тебя об этом неделю назад.

– Неделю назад было ещё тепло. И, Сеш, мне некогда по магазинам ходить. Препод по общей химии чрезвычайно скрупулезен, и мне нужно поместить в черепушку колоссальное количество информации. Важна каждая свободная минутка.

– Я понимаю, но твои кроссовки скоро разлезутся. Сим, пожалуйста, возьми деньги и купи себе нормальную обувь, – настаивала девушка, застегивая молнии на сапогах. – Всю неделю дожди будут, а я не хочу, чтобы у тебя промокли ноги и ты слег с ангиной.

– Зато я знаю, как её лечить, – подмигнул брат и откусил бутерброд.

– Не сомневаюсь. – Стефания выпрямилась и сняла с вешалки свое длинное черное пальто с широким поясом. – Сколько сегодня пар?

– Три. Потом опять пойдем с командой в библиотеку, нужно уже закончить готовить этот проект по анатомии, так что вернусь домой не раньше семи вечера.

– Тогда после работы я зайду в магазин и куплю батон. Что приготовить на ужин?

– Можно пюре и сосиски, – пожал плечами Серафим. – Или макароны с сыром. Что хочешь, мне все равно.

Стефания кивнула и снова бросила на свое отражение критичный взгляд. Она увидела, как непослушный золотой волосок на прямом проборе всколыхнулся, торча словно антенна. Как же так, ведь на волосах уже было так много липкого лака!

– Кстати, Сеш... Меня тут пригласили на день рождения в субботу. Ты не против, если я пойду?

– Почему я должна быть против? Если, конечно, не в какой-нибудь наркоманский притон.

– Нет, – хмыкнул брат и опустил ореховые, как и у сестры, глаза. – Домой к однокурснику, тут недалеко, кстати. Просто... Я же не могу пойти с пустыми руками.

Завязав пояс пальто, Стефания склонила набок голову и с улыбкой взглянула на брата. Она по-настоящему гордилась им и готова была разбиться в лепешку, лишь бы у того сложилась

прекрасная и беззаботная жизнь. Между ними было всего четыре года разницы, но она всегда чувствовала себя рядом с ним очень взрослой и мудрой.

– Сим, ты же знаешь, где лежат деньги, – спокойным голосом повторила она фразу, что уже порядком ей осточертела, – не надо спрашивать меня, можно взять их или нельзя.

– Это твои деньги, Стеш.

– Это наши деньги, ясно? И прошу тебя, не забудь про обувь! Всё, я побежала.

Она чмокнула брата на прощание и, схватив черную квадратную сумку, покинула съемную квартиру, расположенную в старой пятиэтажке. С хозяйкой им очень повезло. Стефания думала об этом всякий раз, когда шла вдоль серого дома, где основными жильцами были пожилые люди. Маргарита Павловна овдовела несколько лет назад и первое, что хотела сделать – продать эту старую двушку, где ремонт последний раз делался лет двадцать назад. Однако, пообщавшись с соседкой, решила сдавать жилье студентам таким, каким оно было, не боясь, что те испортят и без того старую мебель и потрескавшиеся стены. Вежливые брат и сестра ей очень понравились, а в особенности их стремление облагородить квартиру. Они самостоятельно перекрасили стены и полы, вставили пластиковые окна, чтобы зимой было теплее, и за это их арендная плата стала значительно ниже.

Чтобы попасть в деловой центр города практически из окраины, Стефания всегда садилась в пустой автобус, что по мере своего движения наполнялся такими же, как и она, трудягами. Ей нравилась её работа, которая подразумевала организацию мероприятий, договоренности с прессой и всё то, что входило в обязанности помощника главного маркетолога огромной компании. Эту должность она занимала чуть больше года и всё равно иной раз не могла поверить своему везению.

Быть частью «РотманГлобалМед», пусть даже и такой маленькой – огромная честь и яркая галочка в резюме. Если сокурсники Стефании перебивались короткими подработками то в старой газетенке, то копирайтерами в различных мелких организациях, то официантами в увеселительных заведениях, она же с завидным успехом осуществила мечту выпускника элитного вуза. И хотя это играло для нее огромную роль, важнее на сегодняшний день была все-таки заработная плата, от которой зависело будущее её младшего брата. Из-за этого девушка ограничивала себя во многих вещах, стараясь уберечь каждую копейку.

Она надеялась, что Серафим не замечал блеска в её глазах, стоило только тем увидеть красивую одежду в витринах магазинов или рекламу недорогой путевки в каком-нибудь турагентстве. Иногда ей казалось, что её тело и окаменевший от нескончаемой работы разум буквально вросли в этот никогда не засыпающий мегаполис, и если вдруг когда-нибудь ей посчастливится, наконец, отправиться на заслуженный отдых – она уже и сама не захочет тратить силы на то, чтобы просто сесть в самолет и улететь туда, где жаркое солнце и горячий песок.

Офис компании «РотманГлобалМед», основателем которой был известный немецкий деятель Вернер Ротман, занимал последние двадцать этажей в стеклянной башне «Луна», достигающей в высоту около трехсот метров. В этом могущественном здании, что ночью освещалось бледно-голубыми и сине-изумрудными фонарями, размещались ещё две крупные компании страны. Самые нижние этажи занимали дорогие рестораны, фитнес-центр, абонемент в который мог позволить себе только очень состоятельный человек, и много всего другого, о чем Стефания ни знать ни думать не хотела. Уже то, что этот небоскреб, словно солдаты-муравьи, окружали исключительно дорогие автомобили, говорило о том, что всё на этом клочке земли принадлежало людям с самым высоким достатком.

И как Стефанию угораздило оказаться здесь? Простой девчонке, что большую часть своей жизни прожила на севере, в детстве носила валенки с вышивкой и, как многие девчонки, мечтала уехать в большой город. Только Стефания совсем не грезилась о знакомстве с богатым красавцем или неожиданной встрече с каким-нибудь принцем из глупых детских сказок. Ей нужна была независимость и свобода, а ещё возможность финансово помогать своим близ-

ким. Конечно, в свои двадцать три она пока не могла похвастаться последним, но уже то, что им с братом не нужны были деньги, которые раньше отправляли мама с бабушкой, внушало надежды на воплощение её задумок.

Оказавшись во вращающихся стеклянных дверях с двумя взрослыми и солидными мужчинами, Стефания почувствовала себя беспокойно. Она стояла между ними и ощущала себя маленькой мошкой, по ошибке залетевшей на чужую территорию. Казалось, что вот-вот, и кто-то из них прихлопнет её своим кожаным портфельчиком.

Смушение, которое одолевало всякий раз, когда чьи-то глаза позволяли себе откровенно глядеть на неё, за год с лишним Стефания научилась прятать за маской безразличия. Она умело изображала занятой и задумчивый вид или по-хозяйски ставила руки в боки, вздымая брови так, что казалось, будто её раздражало все и всё. И хотя чаще всего именно так это и было, девушка никогда не позволяла себе даже на долю секунды расслабиться, поскольку это было чревато самыми неприятными последствиями. Уж ей-то не знать! Большинство людей, курсирующих по этому зданию, пренебрегали всем, что было ценно для просто смертного. Некоторые не стеснялись подшучивать над совершенно незнакомыми людьми, которые работали здесь простыми курьерами, или программистами, что всегда выделялись плохой осанкой, наличием залапанных очков и постоянно опущенными в пол глазами. Только-только устроившись сюда, Стефании довелось оказаться в просторной кабине лифта с высоким мужчиной, чьи глаза были цвета золота с темными прожилками. И вроде бы незнакомец был хорош собой, но все пятьдесят этажей, что они проехали вдвоем, ей казалось, будто на неё смотрели глаза настоящей ядовитой змеи, готовящейся нанести смертельный удар. Мужчина, чей темно-серый костюм явно стоил целое состояние, громко цокнул языком и назвал Стефанию «милашкой». Он поинтересовался, как долго она здесь работала, на каком этаже её кабинет... А потом подобрался к ней, точно удав, крепко схватил за задницу и прижал к себе. Растерявшись лишь на пару секунд, Стефания резко подняла колено и не хило вlepила негодю между ног, заставив согнуться его пополам и выкрикивать грубые ругательства. И с тех самых пор она внимательно относилась к «попутчикам» в лифте, стараясь не заходить в одну кабину исключительно с мужчинами.

* * *

Отдел маркетинга располагался на шестьдесят девятом этаже. Стефания и её коллега Наташа заняли дальний правый угол в сверкающей кабине лифта и молча таращились на чужие макушки, которых с каждым этажом становилось всё меньше. Здесь всегда ненавязчиво играла тихая музыка, заглушающая чьи-то возможные бурчания в животе или сиплое дыхание. Но она никак не могла поглотить низкий и неприятный мужской голос, звучавший как скрип заржавевшей пружины. И уж тем более не могла «втянуть» в себя невыносимый запах перегара, от которого за эти несколько минут начала трещать голова.

– Слушайте, вы не имели никакого права даже кончиком своего ничтожного пальца прикасаться к этой машине! Что? Что?! Да если я захочу припарковать её на крыльце администрации города, заехать на ней по этим чертовым ступенькам и покурить у самых дверей – я это сделаю, и плевать я хотел на ваши знаки, на ваши «можно» и «нельзя»! Если я обнаружу хоть царапинку, хоть скол размером с песчинку – я вас собственноручно натяну на...

Стефания тихонько прочистила горло и взглянула на свои замшевые сапоги. Она прекрасно знала, кому принадлежала эта темноволосая макушка и пропитый голос, вызывающий только самые неприятные эмоции.

Маркус Ламмерт Ротман. Единственный внук главы огромной компании Арнольда Вернера Ротмана. Самодовольная физиономия этого говнюка не сходила с местных таблоидов, а заголовки с каждым разом становились всё более извращенными. Заместитель Арнольда Ротмана, появившийся в офисе раз в пятилетку, улыбался во все тридцать два белоснежных зуба,

а его правая рука держалась за голую сиську какой-то стриптизерши, которая поливала свое обнаженное тело дорогим виски и прижимала голову богатея к своей промежности. Этих фотографий было очень много, и все с разных ракурсов. И хотя Стефания была слишком далека от всей системы правления столь огромной компанией, ей все же никак не удавалось понять, почему влиятельная семья с немецкими корнями, о которой знал каждый второй, не могла повлиять на безобразнейшее поведение этого алконавта! Лишь пару раз за весь год Стефания своими глазами видела Арнольда Ротмана, и даже просто увидев его издали, он показался ей очень приятным и добрым человеком, похожим на современного и успешного *дедушку*. Неужели его ни капельки не смущали все те безумства, что творил его внук?

– Ещё чуть-чуть, и меня вывернет наизнанку, – прошептала Наташа, демонстративно подвигав крыльями острого носа.

– Я скоро сдохну. И если уж не смогу удержать рвоту, то постараюсь сделать это ему за шиворот, – шепнула Стефания в ответ.

К её полнейшему изумлению уже через пару секунд мужчина впереди медленно развернулся к ним лицом. Задрав квадратный подбородок, поросший колючими темными волосками, он с пренебрежением опустил на неё свои зеленые, чуть заплывшие от алкоголя и, вероятно, бессонной ночи глаза, и медленно набрал воздух носом. Изображая абсолютное безразличие, что с трудом удерживало женскую тревогу и стыд, Стефания упрямо смотрела в мужское лицо. А потом все прелести алкогольных паров, сигарет, еды и кока-колы ударили ей в лицо горячим потоком воздуха...

– Смотри, *не сдохни*, – проскрипел мужской голос.

Едва лицо Стефании исказилось от ежесекундно вспыхнувшего гнева, мужская рука, державшая жестяную банку с кока-колой, коснулась её расстегнутого воротника пальто и... Мужчина крепко сжал банку, отчего темная жидкость выплеснулась на её белую рубашку.

Её белую и дорогую рубашку!

Холодные струйки жидкости стекали по её шее и впитывались в кружевной лифчик.

– Ничтожество, – прошептала она, впиваясь в самодовольного мерзавца обуявшими гневом глазами. – Грязное и подлое ничтожество.

– Что, простите? – демонстративно скривился мужчина, делая вид, что не расслышал её слов.

– Я сказала, что ты нич...

– Наш этаж! – вдруг воскликнула Наташа и схватила её за руку. Женщина буквально выволокла её из кабины, и как только двери закрылись, она ухватила за плечи Стефании и громко прошептала: – Ты спятила?! Это же Ротман!

– Поверить не могу! – громко ахнула Стефания, оглядывая свою испорченную блузку и пальто. – Ты это видела?! Он просто взял и вылил на меня свою чертову кока-колу! Да кто он такой?!

Наташа изобразила кривую улыбку, когда мимо них проходила здешняя «Лариса-крыса» – личный секретарь главного маркетолога компании, которая явно вела целый дневник, где записывала всё, что видела и слышала в стенах офиса.

– Стеша, успокойся! Здесь же кругом уши... – Женщина огляделась. – Пошли в буфет. Сейчас там никого нет.

– Мне нужно в туалет! – прорычала Стефания. Запах газировки раздражал ноздри.

– Нет! Мы пойдем в буфет. В туалете сейчас Лариса, а этой стерве только дай повод потрепать. Успокойся же! – громко шепнула Наташа, крепко ухватившись за её предплечье. – Идем в буфет.

Они поспешно шли вдоль стеклянных перегородок, отделяющих рабочую зону от широкого коридора. В самом его конце располагался просторный кабинет главного маркетолога, где могли разом разместиться человек семьдесят. Всё внутри выглядело слишком дорогим

и каким-то неприкосновенным, поэтому всякий раз, когда начальница Ольга Владимировна вызывала Стефанию к себе, девушка с особой осторожностью ступала на глянцевый светлый пол, боясь оставить на плитке хоть малейшую царапинку от каблуков.

– Доброе утро, девочки! – поздоровалась с ними Аня. Сегодня её белые волосы выглядели ещё короче, чем вчера. Не одной Стефании казалось, что эта милая девушка с невыносимо писклявым голосом, каждый вечер после работы навещала парикмахера и обстригала кончики. – Тоже за кофейком? Ой, Стеш... Что это на тебе?

Наташа поставила свою кожаную сумку на край одного из пяти длинных темно-синих диванов, потом забрала сумку Стефании и опустила рядом со своей. Просторный буфет имел форму полукруга и был визуально разделен на несколько секций открытыми хромированными полками, темной мебелью и белоснежными барными стойками.

– Случилось кое-что неприятное, – закатила глаза Наташа, стягивая с себя ярко-красное пальто с пушистым меховым воротником. Женщина вновь огляделась. Убедившись, что молодой паренек в ярко-зеленой курьерской форме наполняет свой стаканчик кипятком, пританцовывая под неведомую музыку, что звучала в его огромных наушниках, Наташа шепотом объяснила: – В лифте нам «посчастливилось» встретиться с Маркусом Ротманом.

– Да ладно? – чуть ли не заверещала от восторга наивная Аня. – Он сегодня здесь? Надо же! – Её тонкие пальцы тут же поправили множество сверкающих сережек в правом ухе, а потом спустились к черной водолазке и пригладили мягкую ткань на пышной груди. – Очень неожиданно. И как он?

– Как ты можешь сохнуть по этому кретину? – не выдержала Стефания, осторожно снимая свое пальто. Она с ужасом взглянула на свою испорченную рубашку и, с силой сжав челюсти, прошипела: – Он просто ничтожество.

– Это он сделал? – удивилась Аня, глупо разглядывая огромные темные пятна на белоснежной ткани.

– Мерзавец! Конченный идиот! Что мне теперь делать с этим?!

– Для начала, тебе нужно успокоиться, – тоном строгой мамочки порекомендовала Наташа. – Сдашь рубашку в химчистку, и никаких пятен не останется.

– И не кричи так! – шепотом добавила Аня, озираясь по сторонам. – Тебя могут услышать.

– И что? Все знают, что этот мажор – наитупейшее создание. Я просто говорю это вслух. Мне сегодня полдня бок о бок с Ольгой Владимировной работать... Как я объясню ей свой внешний вид?

– Стеша! Не говори так! – продолжала Аня, поднеся к губам указательный палец. – Ты говоришь о Ротмане...

– И что? Он не пуп земли.

– Но он, как-никак, внук твоего работодателя. Если Маркус Ротман захочет, то с легкостью сделает так, что ты потеряешь работу... За год до твоего появления он так поступил с одной девочкой. Помнишь, Наташ? Кажется, она работала в юридическом отделе.

– Припоминаю, – закивала женщина, неодобрительно поглядывая на Стефанию. – По слухам, тоже не умела держать язык за зубами. И, наверняка, кувыркалась с ним.

– Наташа! – ахнула Стефания, не веря своим ушам. – Он облил меня кока-колой! Не случайно, а намеренно.

– Всё потому, что услышал твои слова, – с заметным упреком сказала женщина. – Стеш, если не умеешь быть хитрой, как я, лучше просто молча работай и терпи все те неудобства, с которыми сталкиваешься. Особенно если этим неудобством является Маркус Ламмерт Ротман. Не ты первая, не ты последняя, кого он вот так унижает.

– А я была бы очень даже не против оказаться на твоём месте, – мечтательно протянула Аня. С этой самой минуты Стефания внесла её в список самых глупых и наивных дур. – Он

же такой сексуальный. И сильный. И обаятельный. Признайся, внешне ведь он тебе очень нравится!

Стефания изобразила рвотный рефлекс. И она ни чуть не лукавила! Тот, кого так обожала и боготворила Аня, выглядел слишком грубым и заносчивым, что проявлялось не только в характере, но и во внешности. Он казался Стефании безнравственным болваном, выброшенным на помойку огромным псом, который только там и смог завоевать авторитет у таких же грязных и побитых жизнью слизняков.

– Видела его фото в журнале, как он покорял волны на Бали. Эх, как бы мне хотелось оказаться в его постели. Я бы точно вышла за него замуж!

– Фу, мерзость, – буркнула Стефания, стараясь оттереть пятна влажной салфеткой. – Не говори при мне таких гадостей.

– Мне кажется, что он разбил миллион женских сердец! – продолжала Аня, мечтательно таращась в светлый потолок. – С удовольствием отдала бы ему свое.

Стефанию передернуло. Она решила больше не обсуждать эту глупую и бессмысленную тему. Всё, что её волновало сейчас – неподобающий внешний вид. А ещё, что на химчистку придется потратиться, а это никак не входило в её финансовый план на текущий месяц.

– Ничего не получается, – пробурчала она минуту спустя и выбросила в мусорное ведро очередную влажную салфетку. – Этот идиот всё испортил.

– Стеш? – позвала её Аня, когда девушка уже схватила свою сумку и пальто. – Ну, скажи честно, этот парень ведь неподражаем?

Сдержанно выдохнув, Стефания обернулась. Она никогда не понимала и не поймет глупых девок, готовых на всё ради таких «денежных дебилов», как Маркус Ротман. Что ими двигало? Ради чего они готовы были терпеть унижения и прослыть дешевками, которыми пользовались мужчины и отшвыривали, когда те становились неудобными?

– А ещё, он сказочно богат, – игриво шепнула Аня и подмигнула Стефании.

– Аня, да будь он хоть последним мужчиной на земле, я бы ни за что на свете не взглянула на него. Он мерзавец, хам и просто испорченный до мозга костей болван, который глупо полагает, что ему принадлежит весь мир. Мне очень жаль всех тех наивных барышень, не выделяющихся особым умом, которые из-за него режут по ночам в подушку и грезят о долгой и счастливой жизни рядом с ним. Они настоящие дуры!

– Ой! – прыснула со смеху Аня. – Ты слишком черствая и бесчувственная, как робот. Если бы ты влюбилась в него по-настоящему, чтобы сердце из груди буквально вырывалось наружу от того, что просто дышишь одним с ним воздухом – то ревела бы днями и ночами! Не обманывай себя.

– А реветь-то с чего? – прыснула Наташа.

– Как это? – ухмыльнулась Аня. – Маркус Ротман никогда и ни с кем не встречается. А если и цепляет какую-нибудь девчонку, то на несколько дней, не больше. Если бы он бросил нашу «влюбленную каменную мадам», то она ой бы как рыдала! Так что пусть не обманывает себя.

Стефания ненавидела, когда ей доказывали то, чего на самом деле никогда не было и быть не могло.

– Не в обиду, Ань, но... В моей черепушке есть мозг. Мне не понять, *из-за чего* там можно слезы лить? Ему подобные вызывают у меня три вещи: раздражение, рвотный рефлекс и желание врезать по самодовольной морде. А лучше – между ног. Один уже такой получил однажды по своим бриллиантовым яйцам за то, что позволил себе лишнее!

Недовольно фыркнув, Стефания покинула буфет, не расслышав, *чему* писклявая Аня так сильно удивилась, и почему Наташа расплылась в приветливой улыбке.

Глава 2

Привычные звуки обыденной жизни сегодня казались невыносимыми ударами железных ложек по кастрюлям. Голоса были похожи на скрип старинных дверей, а смесь самых разных запахов женского парфюма – ужаснейшим коктейлем для совершенно потерянного и всё ещё протрезвевшего сознания. От этой вони хотелось блевать.

Маркус Ротман вышел на самом последнем этаже, где его, как и в любой другой день, с самой приветливой улыбкой встречала высокая блондинка с собранными в низкий пучок белоснежными волосами. Он не помнил её имени, а может, и не знал вовсе. Девушка работала здесь администратором, и всё, что ей нужно было делать – отвечать на звонки, встречать начальство и готовить кофе. Пребывая не в лучшем настроении и самочувствии, ему было не то что всё равно на это глупое внимание к своей персоне, но и вызывало сильнейший приступ раздражения. Хмурый, как самая страшная летняя туча, Маркус пролетел мимо девушки, даже не удостоив её привычным игривым подмигиванием, от которого та заметно растекалась, как масло, по сверкающему глянцево-му полу.

Голова продолжала трещать, и выпитая несколькими минутами назад таблетка всё ещё смогла побороть эту боль. Пролетев мимо секретаря своего деда, мужчина закрылся в своем кабинете и бросился в личную туалетную комнату, где свет загорался от малейшего движения. Пока его полоскало над подвесным унитазом, сотовый в кармане косяка разрывался от звонков.

– И что на этот раз я узнаю о своем сыне? – вдруг раздался голос матери в дверях. Маркус с трудом повернул к ней голову. – Хотя, наверное, уже нет ничего такого, чего бы мне, как и всей стране, не было о тебе известно. Хорошо повеселился вчера? В *очередной* раз.

Мужчина слабо улыбнулся и с трудом поднял большой палец над головой. Какой-то частью своего залитого алкоголем мозга он все же понимал, что выглядел в её глазах настоящим ублюдком.

– Немедленно приведи себя в порядок, – приказала мать, гордо подняв острый подбородок. – Жду тебя в кабинете.

Он знал, что нравучений не избежать, и оттого не спешил выполнять её требование. Маркус несколько раз ополоснул лицо и долго смотрел на свое помятое отражение в зеркале. Глядя в свои заплывшие глаза, он вновь задался вопросом, ответ на который, как ему всегда казалось, совершенно не понимал *где* искать: что с ним случилось и по какой причине он в свои тридцать лет выглядел так, словно ничего в этой жизни не было для него ценно? Неужели он жил ради этих нескончаемых вечеринок и развлечений, где реками лился самый дорогой и элитный алкоголь, а молоденькие дочери своих родителей-миллионеров готовы были раздвигать перед ним ноги, стоило только с улыбкой подмигнуть им?

– Маркус?! – громко позвала его Луиза Ротман. – Я теряю терпение!

Съежившись от холода, мужчина покинул туалетную комнату и нехотя побрел к своему стеклянному столу. Только вот сестра за него ему не позволила мать, что уже величественно заседала в его дорогом мягком кресле. Она кивком указала на свободный стул, что стоял напротив.

– Я хочу пить, – тяжелым голосом сказал Маркус и потянулся к кнопке вызова администратора. Однако обозленная женщина тут же шлепнула его по руке. – Пусть эта... белобрыся принесет мне воду!

– Из-под крана попьешь! И у этой девушки есть имя! Её зовут Мария! Где ты был сегодня ночью?

Мужчина устало вздохнул и развалился на стуле, как жидкое тесто.

– Дома, – ухмыльнулся он.

– Не лги мне, ты не появлялся там уже несколько дней! Ты встречаешься с кем-то?

– Разве я похож на какого-нибудь влюбленного тьюфяка?

– Ты похож на бомжа, Маркус! – взорвалась женщина, стукнув по столу ладошкой. – Ты только погляди на себя!

Мужчина бросил саркастический взгляд на свою дорогую косуху итальянского бренда, а потом лениво ухмыльнулся, вынудив свою мать рассвирепеть ещё сильнее.

– В таком случае я самый безупречно одетый бомж.

– Зачем ты пришел сюда?

– Я здесь работаю, вообще-то.

– Да ты что? Тогда ответь мне, какова самая главная проблема компании на сегодняшний день? Ты же у нас заместитель директора, тебе это должно быть известно.

Мужчина изобразил задумчивость.

– У нас нет проблем, потому что мы – идеальная семья. А у идеальных людей не бывает проблем ни в личной жизни, ни на работе.

– Твой дед из кожи вон лез, чтобы совет принял тебя на эту должность, Маркус!

– Я об этом не просил.

– Да где же я так согрешила, что... – Женщина замолкла, явно боясь сказать то, о чем позже будет сожалеть. Она поднялась с места и подошла к огромному окну, обнимая себя за плечи.

Сейчас она выглядела слишком беспомощной. Её стройный силуэт казался таким хрупким, что стоило просто хлопнуть в ладоши, и он разлетелся бы на песчинки от громкого звука. Эта миниатюрная женщина, готовая броситься на любого, кто посмеет обидеть дорогих ей людей, помимо уважения и глубокой любви к себе, вызывала у Маркуса ещё горькое чувство жалости. И оно неприятно сдавливало грудь, затрудняя дыхание. Раньше ему страшно хотелось открыть ей глаза на ту фальшивую идеальность, которой она окружила себя. Но всегда находилось что-то, что останавливало его от этого опрометчивого шага. А теперь же всё для него стало слишком безразличным.

– Тебе нужно собраться, Маркус. Через пять месяцев твой дедушка покинет пост главы, надеюсь, ты ещё помнишь об этом. Его место должен занять *ты*. Иначе... Иначе под правлением Леона и его деда Отто всё развалится.

– Я и так займу его место, – зевнул Маркус и скривился от неприятного кислого запаха во рту.

– Нет! – вновь повысила голос его мать. Она обернулась к нему и поставила руки в боки. – Тебя здесь не бывает неделями, Маркус! И все члены совета видят это!

– Я просто занятой человек.

– Да послушай же ты меня! Тебе не видать кресла Арнольда, если ты не заручишься доверием совета! Как такой огромной компанией может руководить тридцатилетний прожигатель жизни, который без конца пьет, кутит и нарушает правила дорожного движения?! Ты думаешь, что они не умеют читать и не следят за жизнью наследников? Как бы сильно Леон ни нравился мне, но он достоин этого кресла уже тем, что практически каждый день находится на своем рабочем месте! Твой двоюродный брат прекрасно ориентирован! Он оперирует фактами, цифрами, предлагает идеи, хоть и дурацкие... Господи, да он в курсе всего, что происходит! А где же ты, Маркус? Просто ответь мне, тебе всё равно?

– Может, и так, – тихо ответил он, опустив взгляд. – Я не знаю.

– Хорошо, – голос матери смягчился. Она медленно подошла к сыну и опустилась перед ним на колени. – Даже если и так... Ты Ротман, милый мой. Хочешь ты того или нет, но на тебе лежит обязанность – руководить целой империей. Да, возможно, ты не об этом мечтал, но такова твоя судьба. Будь ты обыкновенным Артемом Зайцевым, то сам бы и выбирал для себя

будущее. Но ты – Ротман. Родной, ты ведь не такой, каким хочешь казаться... Ты настоящий мужчина, глава своей великой семьи! Ты, как и твой отец, который...

Маркус резко поднялся, не дав матери закончить. Он подошел к столу и нажал кнопку вызова.

– Как тебя там? Принеси мне бутылку воды. Только холодную! – приказал он грубым тоном. – Мам, я всё понял. Не надо больше этих idiotских нравоучительных разговоров, умоляю! В совете все понимают, что такого придурка, как Леон, с его недалекой мамашей и болваном дедом, властью наделять нельзя. А учитывая, что больше половины членов совета – наши добрые и хорошие друзья и родственники, проблем с моим назначением не возникнет. Поэтому перестань поднимать кипишь раньше времени! У меня голова сейчас треснет от твоих бессмысленных переживаний!

Он снова стукнул по кнопке:

– Черт возьми, где моя вода?!

– Минутку...

Мужчина выругался и разъяренный, как бык, бросился к двери.

– Проще самому всё сделать! Кругом одни идиоты.

* * *

Леон Луц Ротман появился на самом последнем этаже, как раз в тот момент, когда белокурая администраторша в необъяснимой панике доставала из мини-холодильника со стеклянной дверцей маленькую бутылку воды. Несколько жестяных банок с кока-колой и энергетиком вывалились на пол и покатались в разные стороны.

Молодой мужчина облокотился на хромированную стойку и чуть ли не облизываясь смотрел на женскую попку, которую блондинка отставила, как кошечка, собирая газировку. Не будь здесь камер, он бы с удовольствием подкрался сзади и хорошенько приложился к ней своей ладонью, а потом разорвал серую юбку и отодрал девчонку прямо тут – в дальнем углу, куда редко кто вообще заглядывал. Всем девчонкам нравится, когда их берут силой.

– Тебе помочь? – наконец дал он о себе знать.

Девчонка приподнялась на коленях и обернулась, глядя на него испуганными глазами.

– Ох, Леон, вы напугали меня. – Она поднялась на ноги, держа в руках жестяные банки. – Нет... Спасибо.

Мужчина, точно удав, медленно двинулся в её сторону, продолжая откровенно разглядывать женский зад.

– Извини, я не хотел. А ты почему такая взволнованная?

– Я должна принести Маркусу бутылку воды... Извините, мне нужно бежать!

– Постой-постой, милая, – мелодичным голосом произнес Леон и с фальшивой бережливостью опустил ладонь на хрупкое женское плечо. – Успокойся для начала. Ты выглядишь такой напуганной.

– Маркус сегодня не в духе, и я...

– Бог мой, милая, разве этот пьяница хоть когда-нибудь бывает в хорошем настроении? Лучше скажи мне, кому из родителей ты обязана такой нежной кожей?

Он позволил себе прикоснуться к её щеке.

– Извините, Леон... Я должна идти, – отпрянула девушка и тут же замерла на месте. – Маркус, извините, я...

– Должна была принести мне эту чертову воду пять минут назад, – прорычал тот, оглядев её потемневшим от злости взглядом. – Давай сюда!

Девчонка протянула ему бутылку и тихонько спросила:

– Вам нужно что-то еще?

Маркус отрицательно покачал головой, даже не взглянув на неё. Он смотрел на Леона и жадно пил долгожданную воду.

– Надо же, – съязвил Леон, когда девчонка быстрым шагом направилась к рабочему месту, – позор Ротманов удостоил нас своим присутствием. Надо бы торт заказать и шампанское открыть.

– У тебя шутки недотепы-восьмиклассника, Леон. Собственно, как и умение расположить девушку к себе. Не говоря уже о том, чтобы незаметно уложить её в постель, – усмехнулся Маркус, подразумевая последние слова, что Леон сказал администраторше.

– Боюсь представить, какими приемами используешься ты. Хотя дешевым шлюхам всё равно, что именно говорит им богатый алкаш. Главное ведь, чтобы заплатил.

– В отличие от тебя, Леон, я не плачу девушкам, чтобы они были со мной. – Маркус демонстративно развел руки в стороны и крутанулся на месте. – Я им просто нравлюсь, и этого достаточно.

– Ты слишком высокого о себе мнения.

– А ты о себе слишком низкого, – усмехнулся Маркус. – Но, замечу, весьма правильного.

От злости ладони Леона сжались в кулаки. И как только совет терпел выходки этого дегенерата? То, что именно Маркус должен был стать следующим Ротманом, кто займет место главы компании, Леон, как и его родные, считал несусветной глупостью и абсолютной дикостью! Мало того, что из-за Ламмерта Ротмана он лишился отца, так ещё и глупый старикашка Арнольд со своим дебилем внуком отнимали у него законную власть! Ему, Леону, ни за что не убедить тупоголовых членов совета не наделять этого самодовольного ублюдка самыми высокими полномочиями, ведь те как один готовы целовать худшей половине Ротманов задницы. И никто из них не понимал, что компания уже давно нуждалась в глобальных переменах, которые вывели бы её на новый уровень.

Древние старикашки!

– Мой тебе совет, в следующий раз, когда захочешь трахнуть девчонку, не упоминай о её родителях, – снова усмехнулся Маркус, собираясь уйти. – Это как-то странно. Я бы преподавал тебе урок, да слишком дорого беру. Тебе не расплатиться.

Ублюдок.

Конченный алкаш, на которого, как мухи на мед, липли бестолковые бабы! Что-что, а тут Леон признавал, хоть и не вслух: Маркус без особых усилий мог закадрить любую девку, которая уже через десять минут будет считать за честь сделать ему минет.

Любую девку!

Любую...

– Маркус? – позвал его Леон. Тот нехотя обернулся, лениво потягивая оставшуюся воду из бутылки. – Помнишь, как мы детьми постоянно играли на спор?

– Я помню только то, что ты всё время плакался своей мамочке. Полагаю, это означает, что ты постоянно проигрывал, так?

Леон приблизился к нему и изобразил улыбку.

– Я хочу сыграть с тобой.

Маркус искренне удивился.

– Я похож на того, кто станет играть *с тобой*? Друг мой, повзрослей! – усмехнулся Маркус и повернулся, чтобы уйти.

– Неужели с возрастом ты стал трусливее ободранного кота на помойке? – бросил Леон ему в спину. – Боишься проиграть?

И его уловка сработала. Маркус Ротман медленно обернулся и, как обычно, чуть выставил вперед нижнюю челюсть. Этаким опасный оскал хищника.

– Глупая попытка, Леон. Очень глупая.

– Серьезно? Ладно! – развел он руками. – Алкоголь, по всей видимости, убивает всякое озорство и желание пойти на риск.

– Что ты хочешь?

– Повеселиться, – пожал Леон плечами. – Боишься?

Острый, как игла, взгляд Маркуса Ротмана говорил красноречивее любых слов: он не мог позволить говорить о себе как о трусе, побоявшемся принять участие в простой детской забаве.

– Знаешь, не так давно я прочитал твое интервью в одном известном журнале, где ты сказал, что считаешь себя истинным сердцеедом, который может заполучить любую девушку, какую пожелает.

– М-м, да, припоминаю, – растянулся Маркус в злой улыбке. – Это было интервью для издания, публикующего материалы исключительно для отсталых чайников. Ну, там, как познакомиться с девчонкой на улице и через пять минут заняться с ней сексом в лифте. Рад, что ты находишь этот журнал полезным.

– Знаешь, я очень засомневался в твоих словах, – продолжил Леон, с трудом не отреагировав на эту идиотскую шутку. – Не думаю, что ты сразишь абсолютно *любую* девушку наповал. В этом мире ещё есть такие, кому твои дешевые понты, как и твое существование в целом, будут казаться смешнее самого веселого анекдота.

– Открою тебе глаза: в этом мире все бабы, абсолютно все, – повторил Маркус по слогам, – падки на брутальных мужчин. А если у того ещё и банковский счет трещит по швам – для него нет ничего невозможного. В твоём случае первое отсутствует напрочь. Поэтому у тебя и не клеится с девчонками, брат. Мой тебе совет: избавься ты уже от этих старомодных костюмов и обзаведись джинсами и косухой. Хотя... Нет, тебе ничто не поможет.

– Если ты так уверен в себе, сыграй со мной? – с вызовом предложил Леон, глядя ему в глаза. – Если ты выиграешь, я без лишних объяснений сниму свою кандидатуру с выборов на главу компании. Буду тихонько продолжать сидеть в совете и подчиняться *тебе*, ведь только из нас двоих будут выбирать. А если выиграю я, в чем уверен на все сто, то от правления откажешься ты.

– Твоя тупость поражает меня с каждой минутой.

– Брось, Маркус! Ты и сам прекрасно понимаешь, что твое разгульное поведение оставляет на всей семье и компании не самый приятный отпечаток. И если ты займешь это святое место, то через год-два компания разорится, а этого никак нельзя допустить. *Совет* этого не допустит. А мое, пусть и глупое на первый взгляд, предложение – прекрасная и самая легкая для тебя возможность сесть в баснословно дорогое кресло Арнольда Вернера. Если кандидат останется всего один, совет не вправе не принять его на должность директора.

– В чем подвох, Леон? – усмехнулся Маркус.

– Помимо того, что кандидатура жертвы, которую я выдвину, – здравомыслящая особа, которой чужды такие кретины, как ты, – ничего. – Леон нарочно выдержал паузу, не отрывая своих смеющихся глаз от двоюродного брата, которого ненавидел всеми фибрами души. Когда он услышал легкий вздох, наконец добавил: – Ну, так что, Маркус Ламмерт Ротман? Готов рискнуть будущим компании? Ты ведь так уверен в себе, так непоколебим в своей пустой привлекательности. Что тебе стоит закадрить какую-то девчонку с мозгами? Хотя, нет! Это слишком просто, – засмеялся Леон и приложил указательный палец к губам, обдумывая детали. – Я сниму свою кандидатуру с выборов, если тебе удастся *по-настоящему* влюбить в себя девчонку, а после – бросить, как ненужную вещь. Когда я увижу, как она громко рыдает, оплакивая свое несостоявшееся будущее с одним из самых завидных женихов планеты Земля, – нарочито громко парировал Леон, – тогда я признаю твое совершенство, Маркус. И более не посмею даже сказать о тебе самого грязного словечка, которые сейчас сыплются из меня, как семечки. Всё просто!

– Боги! – засмеялся Маркус, явно клюнувший на слова брата. – Ты подсунешь мне девчонку, которую сам не смог уложить в постель? Я угадал?

Продолжая злобно улыбаться, Леон с силой сжал челюсти. Помимо обаяния, Маркус славился дотошной прозорливостью. Леон молча протянул руку, чтобы закрепить договоренность.

– Погоди-погоди! Надеюсь, это не какая-нибудь старуха со вставной челюстью? – приснул Маркус. – Я, конечно, не против этой затеи, но мои сексуальные интересы сфокусированы на молодых женщинах, Леон, в отличие от твоих.

– Эта девчонка работает здесь. Фигуристая, молодая – всё, как ты любишь, – хмуро отрезал Леон, уставший от этого разговора. – Единственное, у неё есть мозг.

– Без проблем! – с привычной самоуверенностью бросил Маркус и пожал брату руку. – А я всё думал, ну когда же мне попадетсЯ красотка, да ещё с умом! Кругом ведь одни пустышки!

– Рад, что ты настолько оптимистичен, брат мой. Но уверяю тебя, это состояние продлится ровно до той минуты, пока ты не поймешь, *кто* наша жертва.

Глава 3

То, что Стефания сказала, было хуже, чем просто ужасно. Да как она только посмела открыть рот? Теперь из-за этого мерзавца, явно нажаловавшегося своему всемогущему деду, её в самое ближайшее время попрут с работы, да ещё и рекомендацию дадут не самую лучшую.

Зря она это сделала, ой как зря! Но что же ей оставалось? Как и все, прикусить язык и терпеть унижение? Ах, нет, что вы! *Все* же мечтают оказаться в поле зрения этого высокомерного куска собачьего дерьма! Мало того, что она так и не нашла логичного объяснения своему неподобающему внешнему виду, промямлив что-то несуразное Ольге Владимировне, которая одним своим резким взглядом дала понять, насколько сильно она недовольна сегодня личной помощницей, так в придачу к этому Стефанию вызвал к себе на ковер сам Арнольд Вернер Ротман!

Большую часть рабочего дня девушка не находила себе места, ведь сегодняшняя выходка в лифте грозила ей немедленным увольнением. В лучшем случае её лишат долгожданной премии, на которую они с Серафимом очень рассчитывали, а в худшем...

«Меня уволят».

С этими мыслями содрогаясь изнутри Стефания поднималась на последний этаж, где восседала вся администрация «РотманГлобалМед». Прежде она никогда не бывала там, но, опираясь на рассказы других, представляла себе стены из золота, величественные статуи и бассейн на самой крыше небоскреба. В общем, всё то, что было в фильме «Адвокат дьявола» с Киану Ривзом.

Когда двери лифта плавно разъехались в стороны, Стефания с привычной для себя осторожностью ступила на блестящий глянцевый пол. Её не покидала мысль, что сегодня у них с братом будет не самый приятный ужин вдвоем. Как только сам Арнольд Ротман, не скрывая эмоций, выскажет всё, что он о ней думает, в её лицо полетит трудовая книжка, а из огромного кабинета она покатится колбаской, которую разгневанный старик пнет своей несказанно дорогой и сверкающей от идеальной чистоты обувью.

– Вам помочь? – спросила её симпатичная блондинка в сером костюме.

Стефания машинально ухватилась свободной от сумки рукой за воротник пальто, боясь, что грязная рубашка привлечет внимание идеальной во всем администраторши.

– Я к Арнольду Ротману. Мне позвонил его секретарь...

– Стефания Ионова? – вдруг раздался взрослый женский голос из глубины широкого коридора.

Девушка с трудом сглотнула и часто закивала.

– Маша, это к нам, – объяснила женщина впопыхах, словно торопилась куда-то. И не мудрено: на ней уже было черное пальто и милая темно-синяя шляпка. – Идите сюда!

Не веря, что вот-вот лишится работы из-за своего длинного языка, Стефания слабо перебирала ногами, не обращая внимания на яркие картины в очень широких и сверкающих хромом рамках. Тяжелые напольные вазы лишались её восхищения, когда она на ватных ногах понуро проходила мимо них, и даже сверкающие люстры из дорогого стекла не смогли похитить её обеспокоенный взгляд. При любом другом случае она бы точно разглядывала всю эту роскошь с открытым ртом.

– Поспешите, милая! – торопила её женщина, подзывая рукой. – Через сорок минут у Арнольда Ротмана встреча на другом конце города. Они уже ждут вас!

– О...они? – уточнила она прерывисто.

Женщина ничего не ответила, а только ухватилась за локоть Стефании и буквально потащила её к огромной темной двери.

– А вы не знаете, по какой причине меня...

– Всё! Всё! Всё!

Перед тем, как оказаться в светлом и чрезвычайно просторном кабинете, Стефания успела сделать короткий вдох и заметить сконфуженное выражение лица взрослой женщины, что осталась на безопасной территории. Девушка с опаской оглядела роскошные апартаменты самого Арнольда Ротмана, обратив особое внимание на множество черно-белых скульптур причудливых и непонятных форм.

– Стефания, проходите, не смущайтесь! – раздался приятный мужской голос за широким выступом из темного декоративного камня.

Расправив плечи, девушка двинулась вперед, продолжая сжимать рукой воротник пальто. Наверное, он уже помялся. Стефания как могла убеждала себя, что с внезапным увольнением жизнь не закончится, просто станет труднее на какое-то время.

– Добрый вечер, – поздоровался с ней мужчина в темном костюме. Он тут же поднялся с дивана, на котором сидел и изучал, по всей видимости, какие-то документы, а потом жестом указал на одно из кресел. – Прошу вас, присаживайтесь. Извините, что вам пришлось немного задержаться, просто встретиться с вами раньше не представлялось возможности. Хотите что-нибудь выпить?

Стефания едва могла произнести хоть что-то, поэтому просто отрицательно покачала головой. Она медленно опустилась в мягкое кресло и поставила сумку у ног, чувствуя на себе изучающий мужской взгляд.

– Вам не жарко?

Стефания подняла на него глаза.

– Вы в пальто, а здесь вроде бы тепло. Вы, должно быть, замерзли?

– Да, кажется, меня немного знобит, – солгала она, сжав воротник ещё сильнее. Ещё чуть-чуть, и её рука станет каменной.

– Тогда я попрошу для вас горячий чай с лимоном! – сказал Арнольд Ротман и поспешно ушел к своему столу. – Мария, будьте так добры, принесите нам один горячий чай с лимоном. И обязательно положите те вкусные конфеты с шоколадной начинкой. Спасибо!

Внезапно откуда ни возьмись к диванчикам подошла стройная женщина в черном платье-футляре, подчеркивающим идеальную фигуру. Её замшевые сапоги на высоком плоском каблуке выглядели очень стильно и дорого, а широкий браслет на руке искрил благородным розовым жемчугом.

– Добрый вечер.

В отличие от Арнольда Ротмана, она поздоровалась со Стефанией заметно сдержанно, даже несколько опасливо. Её тревожный взгляд быстро пробежался по девушке, а потом, словно искал спасение, устремился к приближающемуся мужчине.

– Здравствуйте, – тихо сказала Стефания, искренне не понимая, что происходит, и почему шикарная и обворожительная невестка Арнольда Вернера тоже была сейчас здесь.

Они молча сели напротив Стефании и оба не сводили с неё заинтересованных глаз. С каждой секундой затянувшегося молчания её голова от тревожных мыслей увеличивалась в размерах, и к тому моменту, когда Арнольд Ротман наконец решил начать разговор, в висках один за другим раздавались болезненные прострелы.

– Стефания, вы, наверняка, очень удивились нашей встрече. По правде говоря, мы с моей дорогой невесткой, – взглянул он на женщину, – планировали этот разговор достаточно долгое время... Спасибо, Мария, – улыбнулся он блондинке, что поставила белоснежное блюдце и кружку с чаем на низкий стеклянный столик. И говорить он продолжил только после того, как за ней закрылась дверь. – Поверьте, Стефания, никогда прежде мы ничем подобным не занимались, и уж тем более подумать не могли, что... будем.

– Извините, но я что-то ничего не понимаю... Вы пригласили меня сюда, чтобы уволить? – спросила девушка, с заметной настороженностью в голосе.

– Уволить? – тихо воскликнул мужчина и развел руки в стороны. – Боже упаси, нет! Вы замечательный сотрудник, Ольга Владимировна говорит о вас только самое хорошее. Уволить, – усмехнулся он и взглянул на свою невестку, что продолжала молча наблюдать за Стефанией. – У нас к вам *предложение*.

– Погоди, Арнольд, – вдруг тихим голосом прервала его женщина. – Стефания, скажите, у вас есть молодой человек? Жених?

– ...Нет.

– Вы ни с кем не встречаетесь?

– Мне некогда, – честно ответила она.

– У вас есть братья, сестры?

Несмотря на то, что взгляд Луизы Ротман был острее ножа, в её тихом голосе чувствовалась доброжелательность, но и заметная осторожность.

– У меня есть младший брат. Мы живем вместе.

– Должно быть, он студент?

– Да, – кивнула Стефания. – Второй курс медицинской академии.

– Похвально! – улыбнулся мужчина. – А ваши родители?

– Мама с бабушкой живут в Ноябрьске. А папа умер три года назад.

Она заметила, как померк сверкающий взгляд Арнольда Ротмана. На секунду ей показалось, что он прекрасно понимал эту особую и страшную боль.

– Жаль, что вашей семье пришлось пережить утрату родного человека.

– Стефания, у вас много друзей? Подруг? – вдруг спросила её Луиза.

– Извините, но я не понимаю, зачем вам нужно знать об этом... Чего вы хотите от меня? – напрямую спросила Стефания. – Если не уволить, то...

– Нам нужна *ваша* помощь, – ответила женщина и поднялась с места. Она сплела свои изящные пальцы и медленно двинулась к стене с большой вытянутой картиной непонятно чего. – Арнольд говорил, что мы хотели поговорить с вами уже очень давно, и это правда. – Она обернулась и взглянула на Стефанию. – Вы ведь знаете, кто мой сын?

Боги.

Боги!

Боги!

– Конечно, – сквозь зубы проговорила девушка и увела в сторону взгляд.

– Вижу, вы не самого лучшего мнения о нем, – с горькой усмешкой констатировала Луиза и вновь подошла к дивану. – Не стоит утверждать обратное, Стефания! – отмахнулась она, верно предполагая, что сейчас молодая девушка будет делать именно это. – Я не слепа, не глуха и прекрасно понимаю, каким мерзавцем может быть мой сын.

Чего-чего, но такого она никак предположить не могла!

– Понимаете, Маркус очень нужен этой компании, – задумчиво проговорила Луиза. – Он – её будущее. Но, ведя такой мерзкий и неподобающий его статусу и положению образ жизни...

– Компания погибнет, – перебила её Стефания и тут же виновато опустила глаза. – Извините.

– Что извиняться? – хмыкнула женщина. – Вы абсолютно правы.

– Стефания, – подключился мужчина, подавшись чуть вперед, – повторюсь, у нас есть к вам предложение. Только послушайте сначала вот что: вы не должны озвучивать нам свое решение сию же минуту. Подумайте, поразмыслите как следует. Нам очень важно, чтобы то, о чем мы говорим здесь – осталось именно в стенах этого кабинета. Между нами троими.

– Вы меня пугаете...

– Даже если вы не согласитесь принять наше предложение, обещайте, что ни одна живая душа не узнает обо всем этом? – спросил Арнольд Ротман, доверчиво глядя в её глаза. – Особенно Маркус. Это очень важно.

Стефания закивала. Она ни за что бы не подумала, что такие влиятельные люди, как Ротманы, могут быть настолько человечными и беспомощными.

И вообще, при чем здесь этот негодяй?

– Обещаю.

Мужчина с надеждой улыбнулся.

– Вы, Стефания, вызываете доверие к себе. Этого сейчас днем с огнем не сыщешь.

Безусловно, она была польщена услышанным, однако чувство беспокойства никак не покидало её. По их растерянным взглядам становилось понятно, что они действительно не знали, как и с чего начать.

И, опять же: при чем тут Маркус Ротман, черт возьми?!

– Вы выйдете замуж за моего внука?

Кажется, она слышала ход дешевых часов на своей руке.

Тик-так. Тик-так.

– Для начала, вам нужно заинтересовать его. Всё должно быть постепенно, естественно.

Симпатия плавно перетекает в...

– ...влюбленность, затем чувства крепнут...

– ...любовь, невозможность проводить друг без друга и минуты...

– ...наконец, пышная свадьба...

– ...в браке продержаться пару лет, а после...

– ...не сошлись характерами и мирно разбежались...

– ...вам ведь сейчас двадцать три года...

– ...чтобы довести дело до свадьбы понадобится...

– ...пять месяцев, а после сразу же свадьба...

– ...и плюс ещё два года на супружескую жизнь...

– ...и к тому моменту, как все закончится, вам будет всего двадцать пять! – воскликнула Луиза, крепко сжимая перед собой руки. – Вся жизнь впереди! Вы встретите по-настоящему хорошего человека и будете счастливы. А мой сын... Мой сын должен влюбиться, Стефания! Пожалуйста...

– Видите ли, мы с моей невесткой видим реальный выход из сложившейся и весьма проблематичной ситуации именно в этом, – принялся разъяснять Арнольд Ротман. – Чтобы покончить с развратом и полнейшим безумием, что творит мой внук, ему нужно стать *человеком*. А чтобы это случилось, нужно всего ничего – *любовь*. Человек, ради которого хотелось бы измениться. Нужны страдания, переживания, эмоции, что овладевают людьми, когда в них всё взрывается от переизбытка чувств к другому... Конечно, вы, Стефания, будете воспринимать это всё как работу.

– Мы не просим вас влюбляться в него и делать то, что вы делать не хотите... Женщина может с легкостью заставить мужчину ждать постель несколько месяцев!

– Луиза!

– Арнольд! Я говорю, как есть! – воскликнула женщина, а потом внимательно взглянула на Стефанию. – Скажите же что-нибудь?

– Я как-то... Знаете, мне следовало бы держать свой непослушный язык за зубами, но... Вы в своем уме?! – ахнула она и, наконец, опустила руку, что всё это время сжимала воротник пальто. – Я что, похожа на ту, что предоставляет эскорт-услуги?! О чем вы?! Я самая обыкновенная, у меня нет третьего размера груди, моя задница далеко не как у известной Кардашьян, а судя по фотографиям в желтой прессе, вашему сыну нравятся именно такие барышни! Я живу с младшим братом в съемной квартире и честно зарабатываю деньги, чтобы в следующем году ему можно было продолжить обучение... Боже! Я же не проститутка! О чем вы?!

– Стефания, мы ни в коем случае не думаем о вас в подобном ключе... Выбросьте эти мысли из своей головы. Думаете, мы в восторге от тех пустоголовых девиц, которых трахает мой сын?

– Луиза! – упрекнул её Арнольд Ротман.

– Что? – взорвалась та от полнейшей беспомощности. – Я на грани, Арнольд, и буду говорить всё прямо! Надоело ходить вокруг да около. – Она вновь перевела свой острый взгляд на Стефанию и поставила руки в боки. – Выбор пал на вас, Стефания, потому что вы абсолютно не похожи на всех тех, кто восторженно верещит при виде Маркуса. Да, мы за вами долго наблюдали и прекрасно осведомлены о вашей личной жизни, а те вопросы, что задавали вначале разговора, были просто попыткой хоть как-то прощупать вас!

– Кто вы такие? – ахнула Стефания, испуганно таращась то на одного, то на другого. – Вы... Вы следили за мной?

– *Приглядывали*, – мягко уточнил мужчина.

– Нам нужна именно такая, какой являетесь вы, Стефания. Простая, местами наивная, местами резкая... Арнольд прав, таких, как вы, днем с огнем не сыщешь. Вы оглянитесь! Куда ни плюнь, везде перекаченные, перелепленные девицы, которые готовы на всё, только бы стать женой завидного холостяка. Всё, что они делают: бухают, разъезжают на дорогих машинах и трахаются, надеясь залететь от миллионера! Они не знают, что такое честность и человечность... Что значит долг, любовь, семья, ответственность... Полагаю, обо всем этом уже давно позабыл и мой непутевый сын, – закончила она с такой глубокой болью в голосе, что Стефании стало совестно.

Совестно не пойми за что.

– Через пять месяцев я покину пост главы компании, и моё место должен занять Маркус. Если его поведение не изменится, если он по-прежнему будет заинтересован в «иных» вещах, то совет не примет его на эту должность. Он не вызывает к себе доверия.

– И тогда нам всем капут, – более доходчиво объяснила Луиза. – Это кресло займет двоюродный брат Маркуса, и поверьте, Стефания, у них с дедом наполеоновские планы по захвату всего мира.

– В их руках компания погибнет? – тихонько спросила девушка.

– В любом случае, – вздохнул мужчина, – ничего хорошего не будет. Это касается и рабочих мест, и ведения бизнеса в целом. Я дорожу каждым сотрудником, будь то техничка или директор какого-либо отдела. А мой младший брат Отто и его внук, к сожалению, лишены этого чувства.

– Давайте теперь о приятном! За свое участие в нашем плане вы получите хорошую сумму. Каждый месяц, до февраля включительно, вам будут перечисляться по пятьсот тысяч рублей. Как только вы выйдете за Маркуса замуж – один месяц будет равен одному миллиону. К тому моменту, как всё закончится, на вашем счете будет около тридцати миллионов. Этого хватит и на обучение брата, и на покупку жилья, и на помощь своей семье... Всё то, что будет приобретено вами или Маркусом во время этих двух с половиной лет, останется у вас. Украшения, одежда, машина... За это время вы, Стефания, обзаведетесь полезными знакомствами.

Бред. Какой-то глупый и несусветный бред!

– Это всё очень заманчиво, – нервно засмеялась Стефания и покачала головой, – красиво и вкусно, но неужели вы действительно верите в то, что такой человек, как ваш сын, посмотрит в мою сторону? Не хочу разбивать ваши и без того пустые надежды, но сегодня в лифте я назвала его «ничтожеством». Он это заслужил, поверьте. Не думаю, что при следующей нашей встрече он скажет мне что-то приятное.

– Умоляю, скажите, что вы вlepили ему пощечину?

– Луиза! – снова протянул Арнольд Ротман и закатил глаза. – Это же твой сын! Стефания, – снова обратился он мягким голосом, – если вы согласитесь на эту авантюру, то вам с братом придется переехать в другую квартиру. Вам знаком район «Звездный»?

– Нет, не знаком. Знаете, – резко поднялась девушка на ноги и бросила на нетронутый чай с лимоном рассеянный взгляд, – не нужно больше ничего объяснять мне. Вы ошиблись, выбрав меня для этой...роли. Уверена, в вашем окружении найдется куда более достойная кандидатура... А я, пожалуй, пойду.

– Стефания? – окликнул её Арнольд Ротман, поднявшись с дивана. – Не принимайте решение на горячую голову. Обдумайте всё как следует.

– Вы можете просто попробовать. Попытка не пытка... И если ничего из этого не получится, то нам придется смириться с обстоятельствами и дело с концом, – сказала Луиза Ротман поникшим голосом.

Девушка поправила сумку на плече и в полнейшем недоумении оглядела двух взрослых и вроде бы вполне здравомыслящих людей. Но неужели они не понимали, что для светских игр, где на кону целые миллионы, нужна девушка из *их* мира? Наверняка, существуют даже профессионалы в этом деле...

Да, на долю секунды предложение показалось действительно заманчивым. Чертовски заманчивым! И будь на её месте Аня, то уже бы дыру в потолке пробила от счастья и побежала завоевывать сердце наследника огромной компании, которого не жаловала даже собственная мать. Но Стефания была из иного теста.

– До свидания, – тихонько произнесла Стефания и поспешно направилась к выходу.

Она была так смущена и огорошена минутами, проведенными здесь, что даже не услышала, как Арнольд Ротман шепотом сказал своей заметно расстроившейся невестке:

– Не переживай, дорогая моя. Эта девушка обязательно к нам вернется.

Глава 4

Они поужинали в тишине, поскольку каждый был занят своими мыслями. По телевизору, как обычно, показывали очередную передачу со скандальной историей малоизвестного актера, по молодости бросившего своего новорожденного ребенка и его мать, а за окном раздавался грохот нескончаемой музыки, что играла в черной машине. Все дверцы были открыты, а несколько молодых людей в модных спортивных костюмах стояли на ветреной улице и, казалось, курили без остановки, бросая окурки себе под ноги.

– Скажи честно, тебя ведь заинтересовало это предложение? – спросил Серафим, согнув ноги в коленях. Он сидел на широком подоконнике, что всегда был застелен плотным покрывалом, и опирался спиной о фиолетовую подушку, спасающую от ледяной стены. – Честно.

Стефания оглянулась, держа в руках горячий чайник, а потом рассеянно потупила взгляд и снова отвернулась. Она залила кружки кипятком, и чайный пакетик в миг окрасил воду.

– Возможно. Но всё это – просто сумасшествие! – ахнула она громче, чем хотела. – Это были самые странные несколько минут в моей жизни.

– Почему ты отказалась?

– Сим! Ты в своем уме?

– Я просто спросил, Стеш, – пожал брат плечами.

– Потому, что это смешно!

– А по-моему, это весело.

– Разве я не то же самое сказала?

– Стеш, ты находишь смешным то, что именно тебя – девушку простую, но с характером, выбрали для этой работенки, которую выполнить на «ура» явно под силу исключительно девице с баблом, крутой тачкой и пустой черепной коробкой. А я говорю, что всё это весело, поскольку появилась хорошая возможность хоть как-то разбавить твою задеревенелую личную жизнь. Да и в принципе, твою жизнь.

– Не поняла? – Женские брови поползли вверх.

– Всё ты поняла! – отмахнулся брат и уставился в окно. – Разве тебе не осточертело тащить на себе меня?

– Серафим!

– Послушай, я далеко не идиот и знаю, что порой тебе бывает слишком тяжело. Ты не обязана откладывать *свои* деньги на мое обучение, и уж тем более ущемлять себя в чем-то. Но ты делаешь это, и всякий раз, когда я вижу, как ты бережно складываешь эти бумажки в шкатулку – я начинаю ненавидеть выбранную профессию. Потому что не могу совмещать учебу в медицинском и хоть какую-то работу. Из-за этого страдает твоя жизнь. Тебе просто некогда ходить на свидания, некогда развлекаться. Мама с бабушкой оплату за мою учебу не потянут, и мы оба это знаем. А это значит, что ещё как минимум три года этим придется заниматься тебе. Вполне возможно, что к тому моменту мне осточертеет быть нахлебником, и я брошу академию, найду работу и буду возвращать тебе долг.

– Ушам своим не верю! – разозлилась Стефания. – Что это ты такое говоришь, Серафим?! Не смей больше даже и думать о том, чтобы бросить учебу! Никогда! Ты – моя семья. И я сделаю всё, чтобы у тебя была профессия, о которой ты так долго мечтал! Я ни разу ни в чем себя не ущемляю! Как ты смеешь говорить такое...

– У тебя нет парня, Стеш, – хмыкнул брат. – После того болвана из школы, который постоянно ковырялся в носу, разве кто-то маячил на горизонте?

– При чем здесь какие-то парни? – нахмурилась девушка и по-хозяйски поставила руки в боки. – Мы говорим о твоём будущем!

– А я говорю о твоём, – спокойно сказал Серафим и опустил руки на согнутые колени. – Разве этот Ротман, которого нужно облапошить, настолько мерзкий для тебя?

– Поверить не могу! Ты хочешь отправить собственную сестру в лапы этого мерзавца?!

– Я просто спрашиваю.

– Да он же дегенерат, выпускаемая скунсом вонь, от которой ни чем не избавишься! – взорвалась она. – Конечно, мне бы чертовски хотелось проучить этого кретина уже за то, что он испортил мою самую дорогую рубашку, разбить ему сердце, показать, что происходит с бедными глупыми девушками, которых он бросает изо дня в день! Но у меня ничего не получится, потому что... – Стефания смолкла и натянула тонкую ткань серой футболки. – Что ты видишь здесь?

Её брат округлил глаза.

– Футболку без рисунка?

– Вот именно! Здесь должны быть сиськи третьего размера, а у меня едва-едва до второго дотягивают!

– При чем здесь сиськи?

– А при том, что с третьим размером у меня был бы шанс заинтересовать это демоническое отродье, но увы!

– Неужели ты думаешь, что его способны заинтересовать только сиськи? – засмеялся Серафим.

– А ты посмотри в Интернете, с какими девушками он постоянно зависает и сразу поймешь, что мои шансы равны нулю. Нет, даже минус бесконечности!

Серафим снова засмеялся и достал свой сотовый. Он внимательно разглядывал что-то на экране, и спустя пару минут повернул его к сестре.

– Смотри. Здесь твоя *жертва* прижимает к себе девку с минус вторым размером. А вот здесь, – смахнул он очередное фото в сторону, – с минус третьим. Тут заметный перебор с автозагаром, здесь... просто страшила, – съезжился Серафим. – А теперь посмотри на эту красотку!

Стефания увидела свое фото на экране, сделанное прошлым летом в одном из городских парков. Она нежно улыбалась, смущенно опустив взгляд, а зеленая листва позади неё идеально подчеркивала взлохмаченные от ветра золотые, как морской песок, волосы.

– Вот почему тебя выбрали те двое. Ты – настоящая. А этот дегенерат, как ты его называешь, прекрасно понимает, что с фальшивками не нужно особо напрягаться. Для них он – король.

После продолжительного молчания Стефания поставила две кружки с чаем на маленький столик у стены и снова подошла к брату.

– Хочешь, чтобы я приняла это предложение?

– Я ни секунды не сомневаюсь, что тебе удастся не просто заинтересовать его, но и влюбить в себя настолько, что после расставания у бедняги может поехать крыша. Просто... За два с половиной года заработать около тридцати миллионов – навряд ли кому-то из нас когда-нибудь удастся.

– А разве это не проституция?

– Тебя никто не заставляет спать с ним.

– Серьезно? – нервно усмехнулась девушка. – Хочешь сказать, что мужик, особенно такой страшный кобелина, как этот мерзкий слизняк, будет ждать секса два с половиной года?

– Вот же бедняга! Даже не догадывается, что у него столько отвратительных прозвищ, – засмеялся Серафим. – Послушай, тебе же сказали, что свести с ума его нужно за пять месяцев, а потом сразу свадьба. Эти пять месяцев ты можешь, как «примерная» девочка, говорить, что до свадьбы – ни за что. А после просто отказываться ложиться с ним в одну постель. Он начнет изменять тебе, и потом вы разбежитесь. Это и станет причиной развода. К тому же, я ни чуть не

сомневаюсь, что такие влиятельные люди, как его дед и мама, которые очень заинтересованы в процветании их семейного бизнеса, откажут тебе в помощи.

Тридцать миллионов.

Эта сумма вновь и вновь маячила в мыслях в виде самого сладкого эклера, а слова младшего брата лишь подкрепляли уверенность в успехе всей этой авантюры. Всю ночь Стефания крутилась с одного бока на другой и уснула лишь под утро, приказав себе перестать думать о вещах совершенно глупых и невыполнимых. И когда перед самым выходом из дома Серафим спросил её о решении, девушка твердо заявила:

– Я не стану стелиться перед ублюдком, от которого несет так, что хочется сдохнуть на месте! Даже за тридцать миллионов!

* * *

Злой от страшного недосыпа Маркус Ротман нервно барабанил пальцами по кожаному рулю своей спортивной «БМВ» восьмой серии, которую вчера со скандалом и всевозможными ругательствами забрал со штрафстоянки. И как эти бестолковые людишки только посмели прикоснуться к его малышке?

Оглядев дождливую улицу хмурым взглядом, мужчина убавил громкость музыки и повнимательнее пригляделся к узкому тротуару, по которому, быстро перебирая ногами, шла очередная особа, *похожая* на ту девчонку.

И надо же было вляпаться в такое дерьмо? Не будь он в ужаснейшем состоянии похмелья, то ни за что не согласился бы на идиотскую игру не менее идиотского человека. Маркус смотрел на девчонку в черном пальто и с темно-синим зонтиком в руке, мешавшим разглядеть её лицо. А даже если бы ничего не мешало этому, Маркус всё равно толком не помнил ничего из её внешности. Уж слишком серой и простой была та девица, которую Леон обозвал «жертвой». Вчера, с трудом разглядев эту трудягу по камерам в офисе, Маркус на секунду подумал, что где-то видел её. Но изображение было слишком не четким, и его плавающий в остатках алкоголя мозг никак не мог сложить дважды два.

– Это ты или нет? – пробубнил он, вглядываясь на девушку через лобовое стекло. – Ладно! Была не была!

Он нажал газ в пол, и машина резко подорвалась с места. Проезжая по узкой дороге, ведущей к подземному паркингу, Маркус практически не отрывал взгляда от идущей девушки, молниеносно сообразив, как быстро привлечь её внимание. Эта серая мышка будет верещать от радости, когда к ней «подкатит» такой парень, как Маркус Ротман. Да ещё и на такой крутой тачке! В этом он ничуть не сомневался.

Едва девчонка подняла ногу, чтобы спуститься с бордюра и перебежать узкую дорогу, как автомобиль Маркуса со свистом остановился перед ней и...

– Дерьмо! – выругался мужчина и поджал губы. Он нехотя открыл дверцу, ступил в глубокую лужу и с широкой улыбкой опустил руки на крышу своего спортивного авто. – Привет!

Надеяться на доброжелательность, граничащую с привычным для него обожанием, было глупо. Его взгляд быстро пробежался по девчонке, что замерла на месте и всё не поднимала зонтик, скрывающий её лицо. Наверняка она тарасилась на свой испачканный внешний вид... Её обувь, черное пальто и даже сумка на плече – всё было мокрым. И как он только не заметил эту огромную лужу?

– Слушай, мне очень неудобно, я не хотел, честно! Могу ли я заглядить свою вину чашечкой кофе?

Наконец женская рука, сжимающая ручку зонта так сильно, что побелели костяшки пальцев, стала подниматься. И вот Маркус уже смотрел на ошарашенное женское лицо, которое точно видел вчера на экране монитора. Это та самая девчонка! Ура!

– Ты самый настоящий кретин! – вдруг взорвалась девчонка с золотыми волосами. – Засунь чашечку кофе в свою жирную и вонючую задницу, недоумок!

Маркус оторопел. Честное слово, как будто на всю его идеальность только что обрушили тонну протухшей рыбы. Если ему и доводилось сталкиваться с людским пренебрежением к себе, то только со стороны смельчаков-неудачников, которые спустя пару минут хорошенько получали по своим кривым мордам за подобные слова. Да и то это случалось крайне редко. Взрослые ведь люди! А девушки же, не скрывая обожания, чуть ли не боготворили Маркуса и превращались в текучий сливочный крем, стоило ему только обратить на них внимание.

Но эта...

Маркус сощурился, а потом протер мокрые от слабого дождя глаза.

«Ничтожество».

Вот же сука. Леон – самая настоящая сука, подсунувшая ему эту черствую девицу, у которой хватило смелости говорить подобные слова самому Маркусу Ротману! Да он же может уволить её по щелчку пальцев! И это надо было сделать вчера, да только Маркус пребывал в паршивом настроении и самочувствии. Из всех девиц в их огромном офисе он выбрал именно эту, чье хамство и раздутая самоуверенность переходили всякие границы дозволенного!

– Снова ты, – прошипел Маркус, демонстративно оглядев её с головы до ног. – Милочка, ты в курсе, кто я?

– Кусок дерьма, выпавший из задницы бегемота! Я вся мокрая и грязная, потому что ты, идиот, не умеешь водить машину!

Она что, совсем с катушек съехала? Маркус часто заморгал, ошеломленный услышанным, а потом впился в неё свирепым взглядом и громко сказал:

– Ты свой язык держи за зубами! Я начинаю терять терпение.

– Правда? – деланно усмехнулась девица. – И что с того? Выльешь мне на голову ещё одну банку колы? Или подойдешь и ударишь меня?

– Девочка, тебе не кажется, что ты позволяешь себе слишком многое?! – бросил Маркус, пораженный дерзостью серой мыши. – Я – Ротман! Я уволю тебя по щелчку пальцев, и черта с два тебе удастся устроиться на нормальную работу! Вчера я пожалел тебя по доброте душевной, но сегодня не жди от меня никакого великодушия!

– И это говорит мне взрослый мужик? – злобно засмеялась девчонка. – Запугивает увольнением и своим мнимым статусом размером с Эверест? Мальчик, спустись на землю! Ты такой же сотрудник компании, как и я, а это значит – не ты мой работодатель. И ты бы знал это, появляйся хотя бы пару раз в неделю здесь. И ещё, раскрою тебе твои слипшиеся от нескончаемой синьки глаза: великодушие и доброта душевная – это то, чего твой гадкий, подлый, мерзкий, лживый, грязный и слабый мирок ни за что не потянет. Такова жизнь, как говорится!

И она просто ушла, оставив Маркуса Ротмана пребывать в полнейшем замешательстве под холодными каплями октябрьского дождя. Однако уже спустя пятнадцать минут, когда его злость бежала впереди него и приводила в ужас тех, кто так или иначе находился к нему слишком близко, Маркус отчаянно боролся с сильнейшим желанием выставить эту негодяйку на улицу, лишив компенсации и всего того, что обязан получить сотрудник при внезапном увольнении.

И как только Леон вычислил, что именно эта мерзавка может дать такой резкий отпор сердцееду Маркусу Ротману? Может, эти двое сговорились против него? Небось, пообещал девке небо в алмазах, когда займет место главы компании, а сам, добившись своего, Леон просто пнет её под зад коленом. Если и так, то ни ей, ни ему не видать победы в этой дурацкой игре, поскольку только Маркус выйдет из нее победителем! Если бы вчера он не чувствовал себя так паршиво, то ни за что не согласился бы на предложение Леона. Нет, Маркус не боялся трудностей, а судя по этой шизофреничке, она создаст их не мало! Он просто повел бы себя по-другому, как нормальный и взрослый человек, давно переставший делать что-либо на спор.

Не было и дня, чтобы Маркус вдруг засомневался в собственной привлекательности, о которой упоминала каждая девица, просыпающаяся рядом с ним. Он прекрасно видел, как на него смотрят женщины, и самодовольно замечал, как от неловкости краснеют их щеки. Да, из некогда добродушного, мягкого и знающего, чего хочет достичь юноши, Маркус Ротман превратился в брутального секс-символа, обласканного женским и общественным вниманием к своей персоне. Иногда во всём этом лоске и блеске, в развратных нарядах и лестных улыбках, Маркус ощущал неминуемое разложение внутри себя, как будто мир, в который он когда-то слишком стремительно ворвался, как кислота, разъедал в нем всё человеческое. Но когда подобные чувства начинали отягощать его бесцельное существование, Маркус появлялся на каком-нибудь мероприятии и без труда цеплял замужнюю девушку, и они занимались сексом едва ли не под носом у её мужа. Тогда подобные чувства в миг улетучивались.

Наконец лифт приехал на последний этаж. Едва Маркус вышел из кабины, мысленно проклиная идиота, вздумавшего разместить всю администрацию на самой верхушке небоскреба, как перед ним внезапно возникла та самая серая мышь, которую он минут двадцать назад окатил уличной грязью.

Что она здесь забыла, черт возьми?

Женские брови с вызовом поползли вверх, а в глазах цвета жареного миндаля промелькнуло раздражение. Эта девица глядела на него, как на кусок того самого дерьма, что вывалил бегемот! Маркусу стоило огромных усилий не сказать что-то не менее грязное в её сторону, ведь уже то, как она демонстративно вскинула острый подбородок, приводило его в настоящее бешенство.

На секунду он представил Леона, сидящего в кресле его деда. Представил его хитрую и безумную улыбку, которая всегда настораживала.

Нет. Ни за что.

– Слушай, я хотел извиниться, – сказал Маркус настолько неестественно, что самому стало смешно. Он поджал губы, стараясь подавить нервный смех, а потом провел рукой по острой щетине и вновь с неохотой взглянул на девушку. – Мне жаль, что так вышло. Правда.

– Ты лжец, – без единой эмоции сказала девица и, нарочно задев его плечом, зашла в лифт.

Маркус сжал челюсти и обернулся. Черт возьми, он не привык к такому пренебрежительному отношению к себе! Особенно со стороны молоденькой девчонки!

– Пропущу твое очередное оскорбление мимо ушей. Я хотел бы загладить свою вину, это возможно?

Девица хмыкнула и нажала на кнопку. И прежде чем дверцы закрылись, Маркус увидел её средний палец.

* * *

Весь рабочий день Стефания пребывала в глубоких раздумьях, и, к её счастью, Ольги Владимировны не было в офисе до самого вечера. Она намеренно пропустила обеденную встречу с Наташей и Аней в буфете, сославшись на гору дел, а сама сидела в своем маленьком кабинете и таранилась в изогнутый экран большого монитора.

«Маркус Ротман – завидный жених с огромным состоянием».

«Красавчик Ротман: как не влюбиться в секс-символа нашего времени?»

«Многомиллионная вечеринка Маркуса Ротмана едва не стоила старой женщине жизни».

«Грязные танцы для Ротмана: каких девушек предпочитает красавчик Маркус?»

Стефания закрыла все окна с яркими заголовками и фото, на которых виновник её терзаний то дерзко улыбался, то целовался с самыми разными девушками.

Должно быть, он не раз цеплял какую-нибудь венерическую болячку!

Тяжело вздохнув, Стефания опустила голову на стол и закрыла глаза, в который раз прокручивая в голове сегодняшние слова Арнольда Ротмана.

Да, она согласилась. Согласилась! Этого общипанного индюка следовало хорошенько проучить... Что он только возомнил о себе?! Тридцатилетний ребенок, непоседа-переросток! Второй день подряд из-за его высокомерия и раздутой самоуверенности она была вынуждена очищать свою одежду от грязи! Господи, а ведь он её даже не узнал, когда решил подкатить свои сморщенные яйца на спортивном авто! Неужели девушки и впрямь покупались на этот дешевый развод с кофе? О, Боги! Куда катился мир и почему таким говнюкам, как Маркус Ротман, в нем находилось место?

Ворвавшись утром в кабинет Арнольда Ротмана, как разъяренный ураган, Стефания предупредила, что сделает *это* только потому, что им с братом очень нужны деньги. Она с трудом умолчала о личной заинтересованности в этом деле, поскольку, как бы сильно Арнольд и его невестка ни одобряли поведение своей кровинки, им навряд ли понравились бы чрезвычайно грубые высказывания Стефании на его счет. Они обещали незаметно помогать ей и следовать по пятам маленькой, но всемогущей тенью. Луиза Ротман вручила ей банковскую карту на самые разные расходы: еда, одежда, такси... Арнольд Ротман вновь напомнил о переезде в «Звездный», поскольку, если их план удастся, то «влюбленный» Маркус так или иначе в какой-то момент решит подвезти её домой. И будет очень хорошо, если этим местом окажется не старая пятиэтажка на окраине города, а одна из четырех красивейших многоэтажек в самом центре.

«Как-никак, мой сын всё же обращает внимание на внешность человека и то, что его окружает», – тихо сказала Луиза Ротман в тот момент.

Стефания покрутила банковскую карту в руках и бросила короткий взгляд на две связки ключей от нового временного жилья. Она согласилась на сущее сумасшествие богатенькой семейки, готовой платить ей очень неплохие деньги. Только вот... Что именно нужно делать? С чего начать?

И самое главное: как побороть в себе ненависть и непреодолимое отвращение к человеку, которого ей нужно закадрить?

* * *

Переезд в новую квартиру занял всего лишь несколько часов. Серафим обрадовался смене места жительства, поскольку теперь до его академии было рукой подать, и вставать ни свет ни заря на занятия не было необходимости. Он выбрал для себя спальню в самой дальней части квартиры, с синими стенами и темным полом, считая, что именно это сочетание цветов способствует учебному процессу. В комнате была односпальная кровать с высоким подголовником, плазма на стене, большой письменный стол у окна и несколько книжных полок очень странной, но стильной формы. Свою немногочисленную одежду парень развешал в небольшой гардеробной, что пряталась за двумя зеркальными дверями-купе.

Однако его тихая радость, что загоралась маленькими огоньками в ореховых глазах, никак не желала распространяться на старшую сестру. Стефания слишком долго разбирала свою сумку с вещами, слишком долго слонялась по светлой и очень просторной квартире с дорогим ремонтом и всё кусала изгиб указательного пальца, потому что страшно сожалела о своем опрометчивом решении.

– Это выглядит странно, – наконец, сказала она монотонным голосом, молча просидев на высоком барном стуле около двадцати минут. Серафим оглянулся, на пару секунд оторвавшись от готовки на стильной белоснежной кухне. Он решил отметить их переезд вкусной пастой и красным вином. – Это выглядит очень странно.

– Что именно?

Стефания распахнула взгляд.

– А до тебя не доходит? Оглядишься! Как мы можем позволить себе жить в такой квартире, Сим? Если он зайдет сюда или даже просто подъедет к дому, охраняемому со всех сторон, то явно задастся этим вопросом.

– И что с того? Ты работаешь на Ротманов и можешь позволить себе это жильё.

– Сим! – протянула Стефания. – Даже такому тупоголовому кретину это покажется странным. Черт! Я была страшно зла, когда соглашалась на всё это! Даже краешком своего мозга не подумала, а каким же, черт возьми, образом мне «сближаться» с ним, когда он появляется в офисе раз в пятилетку?

– Надо ходить на тусовки, – пожал плечами её брат и попробовал на соль сливочный соус. – М-м, отлично получилось!

– Я и тусовки! – хмыкнула Стефания. – Меня в жизни не пропустят в эти «закрытые клубы для привилегированных личностей». О чем ты!

– Ну, тебе же сказали, что помогут. Так что не суетись раньше времени. А сейчас, – добавил Серафим, наливая красное вино в изящные фужеры, – давай, сестричка, выпьем за тебя? Ты самая лучшая, отважная и бесстрашная сестра на свете!

Стефания улыбнулась и чмокнула брата в щёку, постаравшись скрыть от него свои нескончаемые опасения. Ей вспомнились слова Луизы Викторовны, мол, следует воспринимать всё это как самую настоящую работу, которая ни в коем случае не подразумевала интим. Просто работа, за которую платили хорошие деньги.

– Приятного аппетита! – с улыбкой воскликнул Серафим, поставив перед сестрой огромную белую тарелку с пастой.

Спустя пятнадцать минут, доедая уже добавку, Стефания, расслабленная вином, опустила локти на столешницу и задумчиво промычала.

– Наелась?

– Да, спасибо. Думаю, вот, что делать?

– А что тут делать? – просто пожал плечами брат. – Продолжай бесить его.

– Не смешно. Если я ещё раз не удержусь от среднего пальца или очередного оскорбления, то он действительно впредь даже не посмотрит в мою сторону.

– Стеш, открою тебе маленькую тайну: мужиков хоть и бесит, когда женщина дает им отворот-поворот, но с ещё большей силой притягивает, ведь как так?!

– Как так?

– Вот именно! Если этот Маркус действительно привык, что девки падают к его ногам даже от чиха, то представь, насколько сильно его задевает, когда этого не то, что не происходит, но ещё...

– ...дают ясно понять, что кроме ненависти и отвращения к себе он ничего вызвать не может, – тихо предположила Стефания. – Продолжать шпынять его?

– Не долго. Думаю, что ты сама поймешь и почувствуешь, когда стоит сменить свой гнев на милость.

– В моем случае – никогда. Он чрезвычайно отвратительный человек.

– Представь, а ведь когда-то он был маленьким и долгожданным крошкой, – писклявым голосом заговорил Серафим, – какал и пукал на радость родителям. Кстати, мне мама звонила. Спрашивала, какие у нас планы на Новый год.

– До него же ещё два месяца!

– Она просто переживает, что у нас может что-то измениться и мы не приедем к ним с бабушкой.

– Мы всегда отмечали Новый год дома. И в этот раз тоже. Ты же не говорил ей о нашем переезде?

Серафим закатил глаза.

– Ладно, хорошо! – вздохнула Стефания, понимая, что вопрос прозвучал более чем глупо. – Просто решила уточнить. Надо ещё решить, что сказать им. Как объяснить наш переезд.

Она ловко спрыгнула со стула и забрала пустые тарелки. Не прошло и дня, а Стефания уже признавала, что есть из белоснежной дорогой посуды, как и лицезреть прекрасно оборудованную кухню, – сплошное удовольствие. Даже вода, что текла из крана, казалась совершенно другой!

– Здесь есть посудомойка, – подмигнул ей брат, продолжая сидеть за стойкой. – Что это?

Стефания отключила подачу воды легким касанием к квадратной хромированной кнопке. Повсюду раздавалась плавная мелодия. Она наспех протерла руки вафельным полотенцем и поспешила вслед за братом, который направлялся к просторной прихожей с изящным двухместным диванчиком с крашенными под потрескавшуюся старину короткими ножками.

В небольшом экране видеодомофона был человек в темной бейсболке и куртке. Серафим нажал на большую кнопку и спросил:

– Что вы хотели?

– Доставка для... Стефании Ионовой! – сообщил мужчина, повертев в руках большую коробку. – Примите?

Брат и сестра переглянулись.

– Да, заходите! – ответил Серафим, а потом расставил руки в боки и с улыбкой взглянул на Стефанию, у которой от тревоги глаза готовы были выпасть из орбит. – Интересно, что это?

– О том, что мы переехали сюда, известно только Арнольду Вернеру и Луизе Викторовне.

– Значит, что-то от них, – предположил брат. – До сих пор привыкнуть не могу к этим их именам. Я читал, что это у них традиция такая. По-моему, очень нелепая.

– Это меня сейчас волнует меньше всего.

И вот, минутой позже, в квартиру заглянул курьер, принеся с собой плоскую белую коробку с темно-синим бантом и картонный подарочный пакетик с бутылкой дорогого шампанского внутри.

– Полагаю, это «скромный» подарочек на новоселье? – со смешком предположил Серафим, с нетерпением ожидая, когда же его сестра вскроет коробку. – Стеш! – торопил он её. – Не тормози!

Опустившись на пол, она без труда развязала изящный бант и медленно подняла крышку. На белой шелестящей бумаге, что скрывала внутри что-то алое, лежали два белых конверта и согнутый пополам лист бумаги.

«Добрый вечер, Стефания! Решив проигнорировать технологические возможности двадцать первого века, я пишу тебе от руки и настоящим пером! По-моему, в этом есть особая изюминка и романтика, надеюсь, ты оценишь мой подход. Внутри коробки два конверта. Это пригласительные на благотворительный ужин, что устраивает одна крупная фармацевтическая компания каждое двадцать пятое октября. Полагаю, ты слышала об этом. То, что этот вечер соберет самые сливки общества – понятно. Но главное, там будет Маркус. Я выбрала для тебя подходящий наряд, надеюсь, что ты так же оценишь мою внимательность к деталям, которые только подчеркнут твоё изящество. Второе пригласительное для твоего брата. Если он пожелает сопровождать тебя, то настоятельно рекомендую посетить бутик «Брайтон» в «Громов-центре» и спросить там Вячеслава. Не сомневаюсь, он поможет сделать вам правильный выбор. Я вынуждена уехать из города на несколько дней, так что у меня не будет возможности присматривать за тобой и Маркусом на этом вечере.

С наилучшими пожеланиями, Луиза Ротман!

Ах, да! Маркусу не обязательно знать, что сопровождающий тебя – твой родной брат. Будь хитрой, Стефания, и всё у нас получится!»

– Она права, – улыбнулся Серафим, взяв в руки письмо, что только что Стефания прочитала вслух, – в этом действительно что-то есть. Гляди, какой красивый у неё почерк!

Девушка поспешно избавилась от шелестящей бумаги и вытащила из коробки явно слишком облегающее фигуру шелковое красное платье на чрезвычайно тонких бретельках.

– Надевай!

– Оно же... – Стефания поспешно перебирала пальцами скользкую ткань в поиске этикетки. – Это же «Версаче»! Бог мой... Оно же...

– Стоит страшно дорого и такое открытое, что я буду чувствовать себя голой! Нет, нет, нет. Вы не заставите меня надеть эту ночную рубашку! – кривлялся Серафим. – Живо надевай платье!

– Вообще-то, я хотела ограничиться его высокой стоимостью, но спасибо, дорогой, братец, что заставил меня обратить внимание на его излишнюю откровенность, – буркнула девушка и поднялась на ноги.

Пока Стефания с особой осторожностью надевала платье, которое казалось ей настоящим сокровищем, Серафим подлил вино в свой бокал и задумчиво ходил туда-сюда у двери её спальни.

– Сеш? – позвал он робким голосом.

– Ау?

– Всё это – бредовая идея, да?

– Есть такое...

– Прости меня.

– Сим! Хватит уже! Надоело говорить одно и то же. Если удастся продержаться хотя бы пару месяцев – будет замечательно. Выплатим кредит, что на маме. И я очень надеюсь, что ты поможешь мне!

– Конечно, Сеш! А знаешь, – с улыбкой воскликнул он, – ты же как самая настоящая Золушка! Прилетела добрая фея, подарила тебе наряд и отправила на бал! Бог мой, бывает же такое...

– Что скажешь? – спросила его сестра, резко распахнув дверь. – Кажется, оно и впрямь как ночнушка, Сим. Я не смогу. Нет...

– Ты шутишь? – ахнул парень. – Ты же просто...

Стефания резко взглянула на брата и, подняв длинную ткань кончиками пальцев, на носочках подошла к огромному зеркалу в прихожей.

Ей казалось, что тонкая ткань слишком уж облегла её маленькую грудь, осиную талию и аккуратные бедра. А дальше, до самого пола, струилась, как легкая дымка. Глубокий разрез демонстрировал стройные ноги, едва-едва пряча белье. Оглядывая свое отражение привычным взглядом сухого критика, Стефания чувствовала, как скользкий шелк ласкал её кожу. Ей нравилось это ощущение, как и большая часть того, что она видела в зеркале.

– Этому парню очень не повезло, – тихонько сказал Серафим, – потому что не влюбиться в тебя – просто невозможно.

Глава 5

Наташа ждала выходных всю неделю, и от её ежедневного нытья устала даже Анжела, которая работала уборщицей на шестьдесят девятом этаже. Никто не замечал, как пышногрудая шатенка с бронзовой кожей и сеткой глубоких морщин под глазами, сдержанно вздыхала всякий раз, когда слышала мольбу хамоватой женщины, которая если и удостаивала её коротким взглядом, то всегда придавала ему острейшее пренебрежение.

Высокомерная выскочка!

И вот, наконец, собираясь пятничным вечером на заслуженный выходной, Наташа с особым вниманием оглядела свой рабочий стол, проверила в кармане дорогого пальто сотовый, убедилась, что синяя ручка с кристаллами Swarovski находится в мягком чехле и лежит в глупине закрываемого на ключ ящика.

– Идешь? – заглянула к ней Стефания, поправляя темный палантин на шее.

– Да, минутку! Кажется, я не взяла зарядное... Куда я его засунула?

Стефания с улыбкой закатила глаза и медленно направилась к лифтам, разглядывая за стеклянной стеной тех, кто так же, как и Наташа, что-то искали или одевались. Все вокруг с приятной усталостью покидали свои рабочие места, отправляясь в бары, на встречи с друзьями или так же, как и Стефания – просто домой. Остановившись у лифтов, она со вздохом оглянулась. Наташи всё ещё было видно.

– Стеш, – вдруг обратился к ней Павел из отдела рекламы, поправляя кожаный ремешок своей модной коричневой сумки, – наши в бар собираются. Пойдем с нами?

– Да, идем? – весело присоединился Артем, его коллега. – Это тот, что за углом, с огромной сверкающей туфелькой над дверью.

– У меня завтра очень много дел, так что, увы, – мягко улыбнулась им Стефания и пожала плечами, – вынуждена отказаться.

– Завтра же суббота! Какие могут быть дела? – усмехнулись оба.

«Самые невообразимые», – с волнующим раздражением подумала девушка и вошла с кучкой уставших трудяг в пустую кабину лифта.

Когда двери плавно закрылись, она бегло оглядела чужие макушки. Должно быть, Наташа так и не нашла зарядное для телефона, потому что её здесь не было.

– В понедельник тебя снова ждет гора работы, – тихонько сказала «Лариса-крыса», демонстративно медленно надевая на руки ярко-малиновые замшевые перчатки. Стефания с непониманием взглянула на нее и девушка пояснила: – Я слышала, как Ольга Владимировна разговаривала с организатором ежегодного благотворительного ужина, что завтра устраивает «ДельКо». Все материалы, фотографии, отчеты, анонсы и интервью отправят тебе в понедельник. А ты в самое короткое время, уж не знаю в какое именно, – усмехнулась она, – должна отобрать стоящие материалы и согласовать их с Ольгой Владимировной для публикации в СМИ. Не самая легкая работенка.

– Ничего, – сдержанно ответила Стефания, не отрывая глаз от медленно меняющихся цифр над стальными дверями, – это моя работа.

– Я бы, конечно, помогла тебе со всем этим, но у меня самой, знаешь, дел по горло. К тому же, помнится мне, что в прошлом году именно я занималась этой поганой работенкой, потому что тебя – только что принятую на должность помощницы маркетолога – отправили в трехдневную командировку, – с явным недовольством в голосе напомнила Лариса.

– Несправедливо, – с сарказмом добавила Стефания.

– Ничего, – брякнула девушка, задрвав подбородок, – теперь-то ты узнаешь, какие это невыносимые муки.

– Чтение статей и разглядывание фотографий ты считаешь невыносимыми муками? – усмехнулась Стефания и покачала головой. – Ах, нет. Наверное, ты имеешь в виду невозможность увидеть среди самых сливочных сливок общества именно свою довольную физиономию, с наслаждением попивающую дорогое шампанское?

Плавный звонок оповестил о прибытии на первый этаж. Когда двери разъехались и люди стали выходить из кабины, Лариса, что была выше Стефании на голову, обернулась, бросив на неё резкий и скептический взгляд.

– Ты ведешь себя, как глупая девочка-подросток.

– Для меня это комплимент, – подмигнула ей Стефания и уверенным шагом вошла в сверкающий холл, переполненный людьми.

Наташа, работавшая в «РотманГлобалМед» три с половиной года, не раз тихонько посмеивалась над «страданиями» Ларисы, которая каждый октябрь превращалась в недовольную и озлобленную бабу, которую Ольга Владимировна никак не желала брать с собой на знаменитый благотворительный ужин, что состоится уже завтра. Обходя людей, Стефания даже ощутила слабую тень сочувствия, ведь для такой особы, как Лариса, что грезилась о жизни в мире роскоши и богатства, наверняка, было невыносимо больно смотреть на снимки в глянцевых журналах, где миллионеры в смокингах и женщины в бриллиантах и мехах улыбались на камеру, демонстрируя свое величие и статус.

Её передернуло. Возможно, до этой минуты завтрашние «приключения» казались Стефании не более чем забавной шалостью. Но теперь, поняв, насколько важно и значимо это событие для компании, как и для маленькой её частички в виде секретарши Ларисы, она мгновенно ощутила тревожный груз на своих плечах.

Интересно, а что она скажет Ольге Владимировне, которая явно будет завтра на мероприятии?

– Стефания!

Несмотря на холодные порывы ветра, сопровождаемые протяжным гулом, как и на громкие сигналы автомобилей, она услышала свое имя. Стефания поправила сумку на плече и остановилась в двух шагах от узкой подъездной дорожки, на которой толпились дорогие машины с личными водителями.

– Стефания, я здесь!

Арнольд Ротман, облаченный в плотное темное пальто, махнул ей рукой, пряча свое лицо за темным зонтом. Он стоял у сверкающего черного «Мерседеса», чей белоснежный свет фар обнажал каждую капельку срывающегося дождя.

Быстрым шагом Стефания направилась к мужчине. Он открыл перед ней заднюю дверцу, и без лишних слов и приветствий она разместилась на заднем сиденье роскошного автомобиля с небольшими экранами в подголовниках и приятной теплой подсветкой вдоль мягких ковров.

– Добрый вечер, Стефания! – поздоровался он, как только сел на соседнее место. Между ними располагалась широкая панель из темного дерева, на которой в специальных отверстиях стояли две маленькие бутылки воды, стаканы и небольшая россыпь карамелек. – Олег, поехали!

Автомобиль плавно тронулся с места, и его медленный ход был едва заметен и ощутим.

– Надеюсь, я не напугал вас.

Наконец Стефания поздоровалась с ним и отрицательно покачала головой, молча ответив на его вопрос.

– Я бы встретился с вами в течение дня, да вот только возможности не было. Почти весь день провел здесь, в машине.

– Ого...

– Олег, поехали в «Звездный», – скомандовал Арнольд Ротман, – только не спеши, нам нужно ещё успеть поговорить с девушкой.

Водитель молча кивнул.

– Как ваш переезд? Всё ли устраивает на новом месте? Есть ли какие-нибудь пожелания?

– Всё хорошо, спасибо. Даже лучше, чем нужно.

– Не стесняйтесь, Стефания, – тоном заботливого дедушки сказал мужчина. – Если вам что-то нужно купить – у вас есть банковская карта. Кстати, угощайтесь! – предложил он, бросив взгляд на воду и конфетки.

Ей стало неловко. И дело было вовсе не в том, что она без страха и сомнения села в черную машину к малознакомому мужчине. Обсуждение чужих денег и возможностей, которые они давали, вынуждало чувствовать себя нахлебницей. Её взгляд тут же упал на горстку карамелек.

«Никогда не бери у незнакомого дяди конфетки и не садись к нему в машину!» – говорила ей бабушка в детстве. Это воспоминание заставило её тихонько усмехнуться, поскольку сейчас Стефания нарушила все бабушкины запреты.

– Нам ничего не нужно, спасибо, – сдержанно ответила она. – О чем вы хотели поговорить со мной?

– Вы получили конверт от Луизы?

– Да. Пригласительные и... Платье, – сухо добавила Стефания, вспомнив свое отражение в зеркале.

– Чтобы у Маркуса не возникли подозрения насчет вашего присутствия, вы скажете, что «подменяете» Ольгу Владимировну, которая сегодня же вечером срочно вылетает в Швейцарию на несколько дней. Конечно, в том случае, если он поинтересуется.

– Вы отправили её в Швейцарию? – удивилась девушка.

Мужчина отмахнулся.

– Там появился проект, который требует её вмешательства.

– *Появился*, – тихонько проговорила она, пораженная масштабами всей этой авантюры и немыслимыми возможностями Ротманов, с легкостью отправлявших людей в другие страны только ради того, чтобы образумить одного конкретного человека. Точнее – *обмануть*. – Брат пойдет со мной.

– Хорошо. Это очень хорошо. А вы уже думали над тем, как именно будете сближаться с Маркусом?

– Есть несколько идей, – нехотя кивнула Стефания, ощутив себя какой-то секс-шпионкой, – которые сегодня за ужином будут тщательно прорабатываться.

– Хорошо. Это очень хорошо, – улыбнулся Арнольд Ротман. – Вы уже были в «Брайтоне»? Луиза заверила меня, что всё вам объяснила.

– Мы поедем туда завтра.

– Хорошо. Мужчины всегда облачаются в смокинги, – с задумчивой улыбкой пояснил Арнольд Ротман. На секунду Стефании показалось, что этот милый, но чрезвычайно могущественный *дедушка* чувствовал себя слишком беспокойно. Возможно, ему так же, как и ей, было очень неловко от всей этой затеи, но иного выхода он найти не мог. – Уверен, Вячеслав подберет для вашего брата идеальный смокинг.

– Я бы хотела спросить у вас... – неуверенно начала она. Глаза мужчины тут же загорелись надеждой. – Завтра мне определенно удастся... *сконnectиться* с вашим внуком, так как мы оба окажемся на одном мероприятии. Но что, если *завтра* ничего не принесет? Он крайне редко появляется здесь в офисе, а даже если и приезжает, то единственное место, где мы можем случайно столкнуться, – лифт.

– Я вас понял, – задумчиво кивнул он. – Конечно, будем надеяться, что завтрашний вечер станет хорошим толчком к вашим встречам вне работы, но даже если этого не случится, не

переживайте, Стефания. Впереди очень много подобных мероприятий. Да и я найду ему занятие поближе к вам. Кстати, я очень рад, что вы проявляете интерес к...нашей затее.

– Я не могу не проявлять его. Как вы сказали тогда, это всего лишь работа. А работу я привыкла выполнять качественно и на все сто. К тому же когда за неё платят такие огромные деньги. – Она вздохнула. – Не скажу, что ни капельки не чувствую себя при этом какой-то продажной девкой, но... – их взгляды встретились, – это *работа*. Всего лишь работа.

Понимающий взгляд Арнольда Вернера действовал на неё успокаивающе. Стефания взглянула в окно. В тот момент она подумала о своей семье, единственным мужчиной в которой остался её младший брат. Она знала и понимала, как сильно ему хотелось помочь ей финансово, и иной раз становилось очень горестно оттого, что ему приходилось чувствовать себя нахлебником, как порой Серафим называл себя. Конечно, это было не так, но Стефания прекрасно понимала, что от таких чувств никуда не денешься, особенно когда единственным материальным источником является она одна. И вот теперь у них с братом появилось общее *дело*, выполнив которое, они смогут получить большие деньги. Если Стефания была исполнителем, то Серафим – превосходным советчиком.

– Знаете, мне бы не хотелось говорить такое вслух, но всё же придется, – аккуратно начал мужчина. – К сожалению, Маркус, в силу своей...ммм, испорченности, наверное...обращает внимание на внешний вид человека и то, что конкретно ему принадлежит. И поскольку завтра вы с братом встретитесь с Вячеславом, я настоятельно рекомендую вам обзавестись не только смокингом. Выберите что-нибудь для повседневного, – добавил он с доброй улыбкой, – мало ли, пригодится.

– Поэтому мы переехали в другую квартиру? – уточнила Стефания. – Чтобы не отпугнуть вашего внука нашим ветхим жильем?

– К сожалению, да.

Что ж, другого она и не ожидала услышать.

– Вещи можно будет вернуть в магазин после всего этого?

Мужчина удивленно взглянул на неё.

– Стефания, ничего возвращать не нужно! Вы покупаете их для себя. Я думал, что Луиза всё объяснила вам.

– Да, объяснила, – спокойно ответила она, гордо держа подбородок, – но это излишне. Платье, как и завтрашний смокинг Серафима, мы вернем в целости и сохранности. Я понимаю, вы переживаете, что наш простой внешний вид может выдать в нас простолюдинов, – с горьким сарказмом хмыкнула она, – но не волнуйтесь. Дорогостоящую атрибутику мы будем использовать, но навсегда она нам не нужна.

Тяжелые веки Арнольда Вернера упали на сверкнувшие сожалением глаза. Он понуро опустил голову и тихонько прочистил горло, словно услышанное только что задело его за живое. В какой-то момент Стефания ощутила резкое желание извиниться за свои слова, хотя, в сущности, абсолютно не понимала, что именно могло так огорчить её собеседника. Она сказала правду и только! Им с братом действительно не нужны были эти вещички, что имели огромную ценность и значимость для таких, как Маркус Ротман.

– Извините, – шепотом произнесла она после минутной тишины. – Я вовсе не хотела обидеть вас.

– Обидеть меня? – с печальной улыбкой удивился мужчина. – Стефания, я вас прекрасно понимаю. Всё, что вы говорите и чувствуете – правильно. По правде говоря, я очень не хотел, чтобы вы соглашались на эту *работу*. Но так же сильно я желал, чтобы вы сказали «да», ведь только такой девушке, как вы, под силу изменить моего избалованного внука. В этом я несколько не сомневаюсь.

– Извините ещё раз, но думать так очень глупо, – буркнула девушка.

Мужчина рассмеялся.

– С каждой минутой вы нравитесь мне всё больше и больше! И как только в вас так идеально сочетаются девичья скромность с резкой прямолинейностью?

– Не хочу, чтобы вы радовались раньше времени, – сказала Стефания, не обратив внимания на его комплимент, – такой, как я, будет крайне сложно заинтересовать вашего внука. А учитывая то, что он терпеть меня не может, эта «сложность» превращает задание в невыполнимое.

– Я вовсе не радуюсь. Просто я уверен в том, что всё у вас получится. Маркус, конечно, далеко не подарок, – добавил он, опустив глаза, – но он не безнадёжен. Ему просто нужно помочь.

Если бы можно было остановить это мгновение, чтобы Арнольд Ротман замер на месте, как и движение автомобиля, то Стефания рассмеялась бы так громко, что от её истеричного вопля разлетелись бы на мелкие осколки все стекла. И, должно быть, на её лице всё же отразилось некоторое отвращение к его последним словам, поскольку он тут же продолжительно вздохнул и с глубокой серьёзностью взглянул ей в глаза.

– Маркус не всегда был таким, – сказал Арнольд Ротман вкрадчивым тоном. – После несчастного случая с его отцом в нем что-то сломалось, и с каждым днем он всё больше и больше отдалялся от нас, постепенно превращаясь в прожигателя жизни.

– Зачем вы говорите мне это? – спросила Стефания, стараясь придать своему голосу абсолютную непоколебимость.

Мужчина с грустной улыбкой пожал плечами.

– Может, хочу, чтобы вы взглянули на него немного другими глазами. Он такой же человек, как и мы все. Только заблудившийся в своих труднопроходимых лесах одиночества.

Той ночью Стефания практически не спала. Её мысли прыгали от личного и болезненного к чужому и ничего не значащему. Она старалась вспомнить счастливые мгновения из детства, но вместо этого без конца прокручивала свои чувства, когда узнала о внезапной кончине отца. Ей хотелось досконально «просмотреть» те минуты, когда ранним зимним утром он брал их с Серафимом с собой в лес, чтобы поставить петли на зайцев, но вместо этого ощущала болезненные покалывания в груди, потому что перед глазами то и дело замирала картина плачущей от горя мамы и едва стоявшей на ногах старой бабушки. Она не хотела вспоминать это и винила во всем исключительно Арнольда Ротмана, за то, что своими словами задел её собственные переживания и боль. Ему не за чем было делиться с ней этой информацией. Она была слишком личной и уж точно не нуждалась в том, чтобы быть услышанной новым человеком.

Так, всю ночь мучая себя прошлым и угнетая свое и без того шаткое моральное состояние грядущим будущим, Стефания появилась в гостиной с помятым и недовольным выражением лица, не удостоив родного брата, заваривавшего кофе, даже слабым кивком в знак приветствия. Он, как и всегда в такие дни, то и дело подтрунивал над ней, стараясь подбодрить. И если раньше его шуточки хоть немного отвлекали и развлекали сестру, то сегодня казались совершенно неуместными и вызвали разве что раздражение.

Можно с уверенностью сказать, что большую часть дня Стефания пребывала в самом отвратительном из всех своих настроений. Стартом послужила бессонная ночь, а уверенным газом – веселое настроение брата, смотревшего на всё происходящее через розово-желтые в голубую крапинку очки. Он нисколько не смущался и вел себя, как свой, когда они посетили известный в городе «Брайтон». Покупателями были исключительно состоятельные люди, которые не обращали внимания на ценники и с деловым видом выбирали шмотки, попивая то шампанское в изящных бокалах, то кофе, сидя на роскошных диванчиках. Стефании казалось, что они с братом привлекали к себе всеобщее внимание, потому что их внешний вид разительно отличался от других. На них поглядывали, как на сбежавших из цирка обезьянок, просящих милостыню в бизнес-классе дорогого авиалайнера. Серафим уверял её, что это совершенно не так, и был абсолютно прав, однако недосып и постепенно возрастающая тревога перед ответ-

ственным вечером внушали обратное. И как только они вернулись домой с покупками, Серафим потянул сестру в её спальню, закрыл окна плотными шторами и строго-настрого приказал поспать. Иначе с таким настроением и самочувствием она закончит игру, которая ещё даже не успела начаться.

Глава 6

Каждый год всю организацию благотворительного ужина брала на себя виновница мероприятия – «ДельКо». И каждый год эта успешная компания с многолетней историей умудрялась удивить состоятельную и привыкшую к сюрпризам публику чем-то новым. В прошлый раз это был настоящий зимний лес в одном из торжественных залов загородного клуба. Под ногами был настоящий лед, под толщей которого горели голубые огоньки, а повсюду, между многочисленными столиками, настоящие ели, пихты и сосны, усыпанные искусственным снегом и настоящими кристаллами Swarovski.

В этот раз организаторы превзошли самих себя. Торжество проходило на крыше совершенно нового небоскреба из темного стекла, обрамленного в холодную сталь. В свете дня этот гигант казался ультрамодным роботом, готовым в одну секунду превратиться во что-то очень опасное с ногами и руками в виде автоматов. А ночью, освещенный белым светом и слабым отблеском уличных фонарей, – непостижимой крепостью, оберегающей город от внешних угроз. Возможно, это здание стало бы отличным новым домом для Бэтмена. Оно выглядело таким же мрачным и таинственным, как и всем известный герой.

Маркус был впечатлен увиденным и оттого долго стоял на месте, разглядывая огромное пространство восьмидесятого этажа. Высота прозрачного потолка вскружила голову, собственно, как и закругленные стены, открывающие вид на расстилающийся вечерний город. Шарообразная форма последнего этажа была схожа с аквариумом, только внутри него плавали страшно дорогие рыбки: в золотых и серебряных платьях, с бриллиантами и сапфирами в ушах.

Рыбка по имени Элла только что послала ему томный взгляд и прикрыла полуулыбку вытянутым бокалом с шампанским. Свои острые плечи эта блондинка с аппетитной родинкой над губой скрывала с помощью белоснежной меховой накидки. Известная модель и дочь богатых родителей плавно двинулась в сторону огромного сверкающего куба, что медленно вращался над темным глянцевым полом, создавая иллюзию невесомости. Пару лет назад они провели шикарный уикенд в Испании на яхте общего знакомого, и, должно быть, эта длинноногая красотка всё ещё помнила, как им обоим было хорошо в одной из шикарных кают. Но как только девушка скрылась за массивной конструкцией, Маркус перевел взгляд на группу знакомых лиц, в мгновение ока позабыв о приятных воспоминаниях.

Обменявшись рукопожатиями со всеми своими знакомыми, стоявшими чуть в стороне, Маркус махнул рукой официанту.

– У вас тут есть что-нибудь иное, помимо этого сладкого шампанского? – спросил он, наклонившись к молоденькому пареньку.

– Что, Маркус, неужели на минералку перешел? – прыснул Роберт. Его день рождения был месяц назад, и с той сумасшедшей ночи Маркус приходил в себя несколько дней. – Или ты имеешь в виду бульон в стакане?

– Я имею в виду виски, – уточнил он, глядя на официанта.

– Конечно, – кивнул тот. – Пройдете к бару или принести сюда?

– Буду ждать здесь.

– Вы только поглядите, у старика Гасанова опять новая подружка, – протянул Андрей Жоров – наследник семейного бизнеса по добыче полезных ископаемых.

Это был низенький и пухленький парень, выглядевший намного старше своих лет благодаря очкам в широкой оправе и с каждым годом увеличивающемуся второму подбородку. Все знали, что он страшно любил считать и экономить деньги и был таким же недоверчивым, как его старый брызга дед. Больше всего Маркуса раздражало в нем неутомимое, присущее женщинам, желание посплетничать. Он мог обсудить, раскритиковать и высмеять за глаза любого, даже если это был его близкий родственник или друг.

– Только поглядите на неё, – продолжал он, подперев рукой подбородок, – этой девчонке явно нет восемнадцати!

– Кажется, кто-то очень завидует, – сказал Роберт, и все засмеялись.

Жоров закатил глаза и поправил очки на переносице.

– Было бы чему!

– Так ведь есть чему! – не унимался весельчак Роберт. – Старик живет полноценной жизнью. Небось, раз-два в недельку трахает молоденьких девочек, чем ты явно похвастаться не можешь. Тебе следовало бы брать с него пример, а то так и останешься одиноким, скучным и не познавшим всех прелестей жизни девственником.

– Твой тупоголовый юмор уже давно неактуален.

– Серьезно?! – ахнул Роберт и демонстративно похлопал глазами. – Ты теперь знаешь, что такое секс?

Маркус усмехнулся и взял с подноса принесенный ему стакан с виски. Сделав небольшой глоток, он снова огляделся, чувствуя, как раздутая торжественность вечера постепенно начинала докучать. Он заметил кривую улыбку Леона, разговаривающего с пузатым бизнесменом Архиповым, который уже около трех лет всеми силами пытается сбыть китайские имплантаты дерьмового качества через их компанию. Думая о будущем «РотманГлобалМед» под руководством Леона, чьи интересы были сфокусированы исключительно на быстром заработке, Маркус почувствовал, как его внутренности неприятно сжались, а слова «долг» и «ответственность», что так рьяно вдалбливала ему мать, проносились яркой бегущей строкой в глазах.

Если бы нужно было, то Луиза Ротман порвала бы каждого за свою семью. И сделала бы это с привычным для неё изяществом. Хоть и внешне эта женщина была красива, сдержанна и элегантна, ей не составляло большого труда оголить клыки и вцепиться в любого, кто только попробует навредить дорогим ей людям. В глубине души Маркус восхищался её воинственностью и самоотдачей, но это чувство он старался прятать даже от себя самого.

– Как там твой братец поживает? – спросил его Роберт, поднеся к губам фужер с шампанским. Он кивком указал на Леона, который с мерзкой улыбкой позировал фотографам. – Слышал, что очень скоро в ваших краях будет жарко.

Маркус лениво усмехнулся и перевел взгляд на низенькую женщину в черном платье с чрезвычайно глубоким декольте. Пожалуй, в её возрасте идти на такой риск было крайне неосмотрительно, ведь маленькая грудь под натиском корсета не столько поднималась, сколько сплющивалась в раздавленные и морщинистые олады.

– Конечно, – кивнул он и смочил губы в горьком напитке, – и гореть будет задница Леона, как только я сяду во главе стола.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, вот только нечто подобное он говорит о тебе. Кое-кто из наших общих знакомых, – почти шепотом сказал Роберт, метнув свой взгляд в сторону Жорова, который продолжал обсуждать девицу старика Гасанова, и длинноногой Лейлы, стоящей рядом с Леоном, – склонен согласиться с его словами.

У Лейлы Примадофулус было всё и даже больше для её двадцати восьми лет: яхты и виллы в самых разных странах мира, бесчисленные поклонники и собственный островок в Карибском море, большой автопарк, которым не могли похвастаться даже самые рьяные коллекционеры раритетных и современных четырехколесных лошадок, бесчисленные знакомства с настоящими звездами Голливуда и собственное имя на коллекционной бутылке дорогого шампанского. Единственное, чего среди всего прочего, к большому сожалению, у неё не было, так это мозгов. Но даже отсутствие столь немаловажного органа никак не влияло на безграничную любовь её родителей, которые спокойно поживали в Ницце, пока их гостиничная империя приносила им огромные деньги.

– Все из одной шайки, – прокомментировал Маркус, обедая троицу скептическим взглядом, – скупердяй-девственник, бестолковый петух и тупоголовая курица.

Роберт засмеялся:

– Эта тупоголовая курица когда-то мечтала стать твоей женой.

– Упаси боже.

– Помнишь, как она страстно желала переспать с тобой в самолете, когда мы летели в Барселону на матч?

И Маркус помнил! Это были самые жуткие шесть часов, которые он провел в ограниченном пространстве с этой избалованной и по-настоящему недалекой девушкой, не знающей, как называется аэропорт Лондона. Кстати, именно с этой шутки Маркус и начинал общение с ней, если случалась такая необходимость. Она в прямом смысле вливала в себя всё, что находилось в баре на борту, срывала одежду и изображала несчастную девочку, которую следовало немедленно приласкать.

– Что с твоим лицом? – усмехнулся Роберт. – Неужто вспомнил момент, когда в тебя полетели её шелковые трусики? Кажется, они были красные?

– Заткнись, – пихнул его плечом Маркус.

– О, твой дед здесь! – с восторгом в голосе сказал его друг. – Пойду поздороваюсь. Только не уходи далеко, нам ещё есть что обсудить, – с веселой усмешкой добавил он.

У входа в зал, окруженный красивыми женщинами разных возрастов, стоял Арнольд Ротман, который в мгновение ока привлек к своей персоне всеобщее внимание. В числе многих Роберт ждал своей очереди, чтобы лично поздороваться с таким великим человеком, на которого хотели равняться молодые люди. Конечно, были и те, кому Арнольд Вернер Ротман не внушал доверия и не вызывал чувства восхищения, уже потому, что этот человек был умнее, мудрее и успешнее их самих, и люди это понимали. С его появлением в зале как будто стало тесно, ибо каждое появление на публике столь известного в мире бизнеса человека так или иначе лишало особого значения что угодно, даже такой пышный прием.

Ощувив знакомый прилив гордости за своего деда и вместе с тем прохладную волну пренебрежения к самому себе, Маркус обвел взглядом торжественный зал, надеясь заметить среди множества знакомых лиц величественную улыбку своей матери. Она была слишком обеспокоена будущим компании, которую считала за своим ещё одним дитя, и не могла пропустить этот торжественный ужин, где женщины с особой грацией могли посплетничать о делах своих мужей. Благо, Луиза Ротман всегда понимала, *что* она говорит и *кому*. Наверняка, сегодня ей придется снисходительно опускать глаза и изображать легкую усмешку, когда кто-то из её «подруг» решит высказать чье-то мнение по поводу грядущих перемен в «РотманГлобалМед». Леон вместе со своей шайкой тупиц, куда входили не только его знакомые, но и родные, уже давно запустил слухок, который эти стервятники в бриллиантах расщепили своими острыми клювами на мелкие кусочки, смакуя каждую букву.

«Маркус слишком слаб, чтобы взять на себя бразды правления».

«У этого алкаша нет ни единого шанса!»

«Программа Леона придется по вкусу совету директоров, так что Маркус останется в полете».

Это и многое другое он слышал на вечеринках, на торжественных приемах вроде этого и просто за игрой в покер, когда его соперник чувствовал свое неминуемое поражение и старался всеми силами хоть как-то задеть непробиваемого Маркуса Ротмана.

Один из фотографов попросил его повернуться для фото, и Маркус, скрепя зубами, устремил хмурый взгляд в огромный объектив. Он нейтрально относился к медийности своей персоны, но сегодня был тот день, когда улыбаться и кривляться на камеру совершенно не было настроения.

– Маркус, дорогой, – прильнула к нему Лейла, просунув свою руку под его, – давай сделаем совместное фото?

Она уже улыбалась фотографу, без конца нажимающему на спусковую кнопку, а в нос Маркуса ударил её разъедающий сладкий парфюм.

– Ну что, Лейла, – изобразил он улыбку, – узнала, как называется аэропорт Лондона?

Девушка тут же пихнула его рукой, на которой тяжелым грузом висел широкий бриллиантовый браслет.

– Эта шутка стара, как моя покойная бабушка! Может, хватит уже? Лучше скажи, как тебе мое платье? – Она демонстративно опустила свои глаза на глубокое декольте, открывающее вид на пышные и искусственные груди. – Нравится?

– Видал и лучше.

– Боже мой, Маркус! Откуда в тебе столько грубости? Знаешь, если ты и дальше будешь вести себя, как болван, то никто на тебе не женится!

Маркус снисходительно взглянул на неё.

– Правильнее сказать: не выйдет за меня замуж, дорогая.

– Да какая разница! – отмахнулась девушка. – В последнее время, поговаривают, ты совсем ума лишился.

– Всё может быть.

– Даже не отрицаешь!

Раньше подтрунивание над Лейлой его хоть как-то забавляло. Сейчас же раздражало, как крапива кожу.

– Хорошо, что я не поставила на тебя, – приснула Лейла, вздернув подбородок. – С таким хамским отношением к женщинам ты по-настоящему заинтересуешь разве что букашку.

– Чего ты не сделала? – нахмурился Маркус.

Поняв, что её слова заинтересовали его, Лейла ещё сильнее отставила грудь вперед и надула донельзя пухлые губы, которые с каждым разом становились всё больше и больше.

– Леон рассказал мне о вашем маленьком пари. Всё, как и в детстве: вы с ним спорите, а мы все, – оглядела она Роберта и Жорова, – делаем ставки, чья возьмет. Если раньше в тебе никто не сомневался, то сейчас... – Лейла изобразила печаль. – Сейчас ты сильно сдал, дорогой мой Маркус. Не переживай, это останется между нами. Дедушке Арнольду не обязательно знать, что его единственный внук, на которого он собирается оставить крупнейшую компанию, может так глупо профукавать её и явно профукает. Удачи тебе, кавалер!

Подмигнув, Лейла медленно двинулась в центр зала, продолжая здороваться и смеяться со всеми, кто тянулся чмокнуть её. Острейшее раздражение Маркус охладил мощным глотком крепкого виски, после чего небрежно, с громким стуком, поставил стакан на поднос мимо проходящего официанта. Леон действовал на нервы так же сильно, как и вся его гнилая семейка. Противостояние двух сторон семьи Ротман с каждым годом становилось всё враждебнее, а льстивые улыбочки и напыщенная вежливость лишь сильнее подливали масла в огонь.

Маркус ненавидел их всех и прекрасно понимал, что и к нему относились точно так же. С самого детства мамаша Леона смотрела на него, как на какую-то гадость, испортившую её жизнь. Сначала он думал, что это всего лишь его воображение, просто Ирина Сергеевна была слишком строгой и хмурой тетей. Однако позже, по мере своего взросления, Маркус всё отчетливее видел её острую неприязнь и ненависть по отношению к нему. Его отец Ламмерт всегда говорил, что у той не все дома, а Луиза Ротман считала, что у отца и матери Леона серьезные проблемы в отношениях, оттого эта женщина по-своему несчастна.

Несчастлива. Как же. Маркус тут же встретился с ней взглядом, и его ноздри зашевелились, как конечности осьминога. Ирина Ротман, что была сверстницей его матери, выглядела старше своих пятидесяти, несмотря на множественные косметологические процедуры. Она была так же стройна и статна, но суха и безжизненна, как испарявшаяся под раскаленным солнцем рыба. В ней не было величия и благородной женственности, которой могла похвастаться Луиза, а вот дерьма и яда хоть отбавляй.

– Ну что, братец? – протянул Леон, встав напротив. – Как успехи с девчонкой?

– Лучше, чем ты можешь себе вообразить, – солгал он, с трудом скрывая свое желание врезать тому по самодовольной морде. Маркус не был уязвлен и не чувствовал, что проигрывает. Он просто ненавидел худшую часть Ротманов, вот и всё. – А как твои дела, Леон? Слышал тут краем уха, что твой дед наобещал небо в алмазах одной китайской фирме. Той, что изготавливает чудо-сыворотку на рыбном рынке. Как же это... – изобразил он забывчивость. – Что-то типа новой анестезии?

Взгляд улыбчивого Леона тут же потемнел от злости. Губы Маркуса расплылись в довольной улыбке победителя.

– Если меня нет на рабочем месте неделями, – шепотом сообщил он, – то это не значит, что я не в курсе того, что происходит в *моей* компании.

– Не знаю, кто и что наплел тебе, – бросил Леон, – но ты ошибаешься. Впрочем, как и всегда. И попрिдержи коней, – подмигнул он, – компания *ещё* не твоя.

– Кстати, а что там насчет грудных имплантатов, которые по внешнему виду напоминают бочонки с медом? – не унимался Маркус, расправив широкие плечи. Они с Леоном были одного роста, но крепкое телосложение Маркуса как будто позволяло ему возвышаться над тощим двоюродным братом. – Уже решил, как именно убедить совет директоров закупить для *моих* клиник это говно?

– То, что я предложу совету, когда придет мое время – тебя не касается, – прорычал Леон. – И хватит уже верить всему, что доносят тебе твои мерзкие шавки, которых ты трахаешь!

– О, нет, Леон. Дело всё в том, что девушек, которых ты называешь шавками, трахаешь ты. А точнее – их мозги, потому что даже самая глупая и наивная девица из глухой деревеньки ни за что не допустит тебя к своему телу. Встретив меня, они мечтают, жаждут и делают всё возможное, чтобы оказаться со мной наедине. А под словом «всё возможное» подразумевается не только демонстрация обольстительных тел. – Маркус самоуверенно усмехнулся. – Поверь, нет ничего сложного в том, чтобы разговорить возбужденную особу. Ты ведь до сих пор не научился держать язык за зубами, Леон. А зря.

После нескольких секунд молчания и битвы взглядов Леон хмыкнул и, увидев фотографа, кивнул на него подбородком. Он поддел Маркуса плечом, вынудив того повернуться к объективу.

– Улыбайся, пока можешь, Маркус. Очень скоро ты превратишься в жалкую заметку из одного предложения и черно-белой фотографией, потому что никому не будет дела до такого жалкого создания, как ты. О нашей сделке знают несколько человек, – говорил Леон сквозь наигранную улыбку. – Это моя страховка, чтобы, в случае твоего неминуемого проигрыша, ты не дал заднюю.

– Стой, друг! – вдруг окликнул уходящего от них фотографа Роберт. – Ещёодну, с нами!

И к двум враждующим между собой Ротманам присоединились их давние «друзья». Лейла с улыбкой повисла на плече Маркуса, уж кто бы сомневался. Роберт встал позади них, а Жоров, поправив свои очки, выбрал место возле Леона, что с присущей ему ядовитой улыбкой отравлял личное пространство Маркуса. И пока фотограф, к которому присоединились ещё-несколько его коллег, делал снимки для своих изданий, Леон с раздутым величием сказал:

– Итак, друзья, вы в курсе нашей с Маркусом сделки. Полагаю, ставки уже сделаны?

– Ешёкак, дорогой наш Леон! – протянула Лейла, опустив свои прохладные пальцы на шею Маркуса.

Леон повернул голову к брату. Тот сделал то же самое.

– Ты проиграешь, – прошептал первый, извергая огненные искры в пожелтевших, как у змеи, глазах.

– Помечтай немножко, – подмигнул ему Маркус и снял женскую руку с себя. – Извините, *друзья*, вынужден откланяться.

– Конечно! – воскликнул Леон. – Времени у тебя не много, так что поспеши! Девчонка-то не из простых. Вспотеешь с такой!

Маркус едва заметно кивнул Роберту, единственному человеку, которому в их компании доверял. Тот с улыбкой закатил глаза, дав понять, что болтовня Леона уже порядком поднадоела. А потом взгляд друга зацепился за что-то или кого-то позади Маркуса. Он отлично знал, что означал этот вспыхнувший огонь в мужских глазах. Словно охотничий инстинкт в мгновение ока охватывал сознание, и всё происходящее до этой самой минуты моментально становилось безразличным, поскольку теперь в приоритете был *определенный объект*. Маркус не сомневался, что где-то там, чуть дальше от них, стояла очередная красотка, запавшая в душу любвеобильному Роберту. И пока тот не поймает её, как охотник свою добычу, не успокоится.

– Кажется, я знаю, с кем сегодня покину этот вечер, – проговорил он и пихнул плечом Леона, что стоял на его пути. Он остановился возле Маркуса и шепнул ему: – Кто она? Ты знаешь?

Сегодня он был не в том настроении, чтобы восхищаться очередной красоткой, с которой, так же как и Роберт, захотел бы покинуть этот скучный прием. Если бы Леон не замусорил его разум своей пустой болтовней, которая, надо признать, всё же зацепила Маркуса, то сейчас ему ничто не мешало бы точно так же глазеть на какую-нибудь очередную девчонку. Не подозревая о том, какое впечатление произведет на него незнакомка, Маркус обернулся и окинул знакомые лица беглым поверхностным взглядом, подцепив тонкую женскую фигуру, облаченную в алый шелк.

– Не знаю, – буркнул он, небрежно выхватив с подноса фужер с шампанским, который пронес мимо проходящий официант. Выпив содержимое двумя большими глотками, Маркус поморщился: – И как вы только пьете это?

– Черт, она неподражаема! – продолжал Роберт, не отрывая глаз от девушки. – И уже подцепила какого-то паренька. Но ничего, ему со мной не тягаться.

Снова бросив взгляд в толпу улыбающихся лиц, Маркус сощурился, чувствуя, как шестерёнки в голове ускоряют свое вращение. Он оглядел густую копну золотых, как летнее солнце, волос, плавными волнами спадающих на стройную спину. Скромная улыбка, сдержанный взгляд... Девушка смотрела на всё окружающее её, как на что-то незнакомое и пугающее, но вместе с тем ровная осанка и острый подбородок, который рисовал в воздухе немислимые узоры всякий раз, когда она с гордостью поднимала его, говорили о женской капризности. И было в ней что-то такое, что вынуждало Маркуса ощущать неприятное чувство забывчивости. Именно то, что возникало в середине дня, когда какой-то предмет или даже слово слабо напоминали о сне, который с трудом можно было вспомнить.

Девушка неуверенно взяла предложенный ей фужер с шампанским, но в ту же секунду оглядела зал с колючей дерзостью. Он определенно уже встречал её когда-то. Может, на одной из вечеринок, что в последнее время случались слишком часто?

– Вот оно что! – вдруг подал голос Леон за его спиной. Маркус обернулся. – Думаешь, раз она согласилась прийти сюда, значит, у тебя всё схвачено? – Он засмеялся. – Девчонка просто хотела попасть в мир богатеев, а ты – лишь проходной билет. Пока не ты разводишь, а тебя.

Лейла и Жоров засмеялись, а в голове Маркуса постепенно начал складываться пазл.

– О чем это он? – спросил его Роберт.

Но в ответ услышал лишь тихое и грубое ругательство, которое Маркус не в силах был сдержать в себе. Уже во второй раз он не узнал эту грубиянку. Боги! Второй раз! Конечно, распустила волосы, принарядилась и появилась там, где такой, как она, совершенно не было места. Что, черт возьми, она делала здесь?

– Это то, что я думаю? – спросил Роберт очень тихо.

– К сожалению, да.

– Мне кажется, или Леон туп, как пробка? – тихонько прыснул Роберт. – На его месте, я бы выбрал не такую эффектную девицу для пари. Это же только тебе на руку.

– Поверь, эта самая настоящая гадука, – прорычал Маркус, не отрывая глаз от девчонки в красном. – И я сейчас вовсе не о Леоне.

Сунув другу пустой фужер, Маркус хрустнул шеей и двинулся навстречу своей *жертве*. Пусть этот болван, который так уверен в своей победе, нервно почешется, наблюдая за тем, как его соперник с легкостью завоевывает внимание молоденькой красавицы, на которую уже с вожделием глазели другие мужчины. Будь рядом с ней не этот худенький тюфяк в дорогом смокинге, а сам Маркус Ротман, то ни один чужой взгляд не коснулся бы её соблазнительных изгибов.

– Добрый вечер, – с деланной улыбкой поздоровался Маркус. Её светловолосый спутник откровенно прошелся по нему изучающим взглядом с головы до ног, и только после этого протянул свою руку. – Маркус Ротман.

– Серафим, – представился парень. Они пожали друг другу руки. – Дивный вечер.

– Не то слово, – сдержанно поддержал Маркус. Взглянув на грубиянку, которая глазела на него, как на случайно упавший перед ногами мусор, он с трудом проглотил комок раздражения и так же напыщенно-вежливо спросил: – Всегда рад видеть сотрудников компании на подобных мероприятиях. Кажется, вы здесь впервые, не так ли?

– К счастью, да, – ответила девчонка, имени которой он до сих пор не знал. – Полагаю, что я давно бы умерла от скуки, если бы посетила ещё парочку таких сборищ. Но что поделать, работа есть работа. Моя начальница уехала в командировку, и я была вынуждена заменить её здесь.

Вот оно что.

– Я вас даже не узнал сначала, – усмехнулся Маркус, глядя ей в глаза. А потом его взгляд невольно пробежался по её мягким золотистым волнам, спадающим на спину. – Непривычно видеть вас *такой*.

Внезапно девчонка засмеялась и сделала пару глотков шампанского. Она тут же скривилась и сунула фужер своему пареньку.

– Гадость редкостная, – брякнула она, а потом с самоуверенной улыбкой взглянула на Маркуса и заиграла бровью. – Очень странно слышать подобное от человека, который видел меня лишь пару раз, да и то в состоянии, далеком от трезвого! И это я сейчас вас имею в виду! Дорогой, – со смешком обратилась она к застывшему на месте парню, – помнишь, я говорила тебе о болване, который вылил на меня кока-колу? Так вот, он прямо перед тобой! Может, продемонстрируешь на нем свои исключительные навыки бесконтактного боя?

Она снова засмеялась и взяла оцепеневшего парня под руку.

– Извините нас, Маркус Ламмерт Ротман, но мы, пожалуй, двинемся дальше. Приятного вечера!

Потянув за собой своего спутника, девчонка скрылась в толпе, оставив Маркуса наедине со своим возрастающим гневом.

* * *

– Ты спятила?! – шепотом кричал на неё брат. – Какой ещё бесконтактный бой? Да ему не составит труда раздавить меня всего одним пальцем! Боги, Стеша! Чем ты думала, назвав его болваном?!

– А не ты ли говорил мне, что мужчин хоть и раздражает дерзость, но в той же мере притягивает? – попыталась защититься она, хотя понимала, что это было очень глупо.

Они спустились по стеклянной лестнице и оказались на просторном балконе с огромными клумбами белоснежных цветов и россыпью мелких огоньков на зеленой траве, что росла поверх широкой каменной перегородки, отделяющей их от ночного города. Заняв место почти в углу балкона, оба с опаской взглянули наверх, где за частью стеклянного купола виднелись гости.

– Это было чертовски глупо, – уже спокойно сказал Серафим. – Нам повезло, что он подошел к тебе, но... Черт! Что на тебя нашло?

– Он мне не нравится, – честно ответила Стефания и опустила голову. Прохладный уличный воздух стремительно проникал под горячую кожу, и уже через минуту девушка почувствовала, как начала замерзать. Положив на гладкую каменную поверхность свой золотой новый клатч, она, точно ребенок, буркнула: – Гусь.

– Милая, я понимаю, что он тебе не нравится! Он гусь и всё такое, но ты должна понять, что сейчас твое собственное отношение к нему не имеет никакого значения.

– Ты прав... Я всё испортила.

Сейчас она по-настоящему сожалела о своих необдуманных словах, ведь теперь сблизиться с *объектом* становилось в сотню раз сложнее. Но стоило только вспомнить этот лицемерный взгляд, которым удостоил её Ротман, и сожаление тут же сменилось резким раздражением. Как же она ненавидела его! Это хамское и самодовольное существо! По его перекосившейся роже было заметно, как сильно он поражен тем, что на этот праздник для золотых задниц, явилась простолюдинка в её лице!

– Стеш, – обратился к ней брат тихим тоном, наклонившись к самому её уху, – точно не знаю, но, кажется, *он* стоит наверху и смотрит сюда.

Тело Стефании тут же задрожало от холода и волнения. Брат встал позади неё, делая вид, что обнимает и целует за ухо, хотя на самом деле смотрел на ночной город внизу и дул теплым воздухом в её шею.

– Я бы с радостью надел на тебя пиджак, но у меня есть одна идея. Она должна сработать.

– Дурацкое платье. Я уже задубела, Сим!

– Тише, – шепнул брат. – Если бы ты не была ему интересна, он бы не тарасился на тебя сверху. Поэтому слушай: сейчас я уйду за напитками и немного потеряюсь. А ты стой здесь. Он подойдет к тебе.

– П-п-почему ты т-т-так думаешь? – дрожащими от холода губами спросила Стефания.

– Потому что ты чертовски соблазнительна в этом платье. А такой, как он, не может упустить столь прекрасный десерт. Да и в принципе, нормальный мужик.

– От-глично. Т-теперь я д-десерт.

– Я пошел. И прошу тебя, не называй его больше болваном. Держи себя в руках. Этот парень нужен нам живым.

– Оч-чень смеш-шно.

Чмокнув сестру на прощание, Серафим плавно ушел, забрав с собой тепло, что хоть немного согревало её спину. Ей показалось, что она стояла совершенно голой, и за это надо сказать «спасибо» Луизе Викторовне, посчитавшей, что для оболщения её тупоголового сыночка необходимо облачиться в дорогой и ледяной шелк. Как же хорошо, что она надела на грудь силиконовые накладки, иначе сейчас бы все тарасились на её затвердевшие соски.

В зале заиграла плавная и знакомая мелодия из известного голливудского фильма. Здесь, на балконе, до Стефании доносились женский смех и звонкий звук хрусталя. Она вдохнула запах прохлады, смешанный с ароматом больших белых цветов, и подумала, что это единственное приземленное и настоящее из всего того пышного многообразия, что с лихвой украшало этот донельзя роскошный вечер.

– Я увидел вас, как только вы появились в зале, и уже не мог оторвать своих глаз, – раздался чей-то мужской голос за её спиной. Стефания обернулась и увидела высокого мужчину лет шестидесяти с густыми поседевшими усами и красной розой в руке. – Это вам.

Стефания таращилась на протянутый ей цветок и с трудом сдерживала дрожание явно посиневших губ. Не его она ждала и не ради него мерзла!

– Ваша скромность меня умиляет и интригует, – улыбнулся мужчина и подошел к ней ближе. – Как вас зовут?

– Стефания, – ответила она хмуро.

– Какое волнующее имя, – восхитился незнакомец. – Стефания, – посмаковал он его языком. – Не хотите ли вы составить мне компанию?

– Извините, но я не од-дна.

Мужчина усмехнулся и шепотом произнес:

– Так ведь я тоже. Разве это помеха?

Стефания напряглась и прижалась поясницей к ледяному каменному ограждению, боясь, что этот мерзавец посмеет коснуться её. Всё в нем выдавало похотливого негодяя: сверкающий взгляд, влажные от постоянного облизывания губы...

– Ещёкакая! – раздался тяжелый голос за его спиной. Мужчина тут же обернулся, но Стефания успела заметить явный испуг в его блеснувших раздражением глазах. – Руслан Венерович, вам нужно держаться подальше от сквозняков. В вашем немолодом возрасте это довольно опасно.

– Маркус, – процедил он. – Ты, как всегда, очень не вовремя.

– Почему это?

– Если ты не заметил, то я здесь не один, – тихо и сквозь зубы прорычал мужчина.

– Значит, я как раз вовремя! – дерзко улыбнулся Маркус и приблизился к Стефании. – Было ошибкой оставлять тебя одну, любимая, – мягко сказал он, взглянув на неё с лживой нежностью. – Уже налетели стервятники.

Он снял с себя пиджак и набросил на её плечи. И пока он в сдержанно-вежливой форме посылал мужика куда подальше, Стефания невольно восхитилась приятным запахом его дорогого парфюма, который оседал на её ледяной коже. Она взглянула на его белую рубашку и широкие плечи, что были на уровне её рта, и заметила широкую вену на шее, появлявшуюся в тот момент, когда он говорил. И хотя её возмутили его слова и собственническая поза, в которой он стоял рядом с ней, она понимала, что именно Маркусу без труда удастся избавить её от назойливого внимания этого мужика. К тому же, это отличный повод, чтобы *сблизиться* с ним самим.

Как же она ненавидела это слово!

– И почему твой кавалер оставил тебя на холоде, даже не удосужившись поделиться своим пиджаком? – спросил Маркус, когда усатый мужик ретировался. Он стоял к ней так близко, что она чувствовала тепло его тела. – Он глуп или просто жадина?

Стефания расправила плечи, продолжая обнимать себя руками.

– Он оставил меня до того, как я поняла, что замерзаю.

– Значит, глуп, – пожал плечами Маркус и склонил голову набок. – Тебя вообще не следовало оставлять одну.

И тут бодрый взгляд Маркуса Ротмана резко изменился. Веки расслабились, широкие брови изогнулись в причудливой форме трамплина, а синие глаза обрели нежнейшую, как самый пышный зефир, огранку.

Неужели именно так известный сердцеед Маркус Ламмерт Ротман сводил с ума недалеких девиц? Боги! Это и есть его оружие, срывающее женское белье?

– Я сказал что-то смешное? – нахмурился он, когда Стефания поджала губы и отвернула голову. Как же сложно ей было сдерживать смех, рвущийся наружу. – Расскажи, повеселимся вместе!

– Ты обидишься, – как можно более серьезным тоном сказала Стефания, – а я не хочу ранить твой нежный и хрупкий внутренний мир.

Не прошло и секунды, как она вновь пожалела о своих словах. Взгляд Маркуса окрасился в темные тона, а нижняя челюсть опасно выдвинулась вперед. Она вновь забыла о своей *работе* и главной цели, стоило только его напыщенной самоуверенности вылезти наружу!

– Спасибо за пиджак, – постаралась реабилитироваться она, послав ему как можно более наивный взгляд, – и за то, что избавил от того мужчины.

– Мужчины! – хмыкнул он. – Гасанов – страшный бабник, который славится тем, что коллекционирует исключительно молоденьких девушек. – Увидев, как глаза Стефании округлились, Маркус добавил: – Он их не убивает. Во всяком случае, я на это надеюсь. Просто спит с ними и меняет, как перчатки.

Он сообщил об этом так просто, что Стефании стало мерзко.

– Собственно, как и большинство из присутствующих мужчин, – не удержалась она, задержав взгляд на точеном лице Маркуса.

– В чем заключается твоя работа здесь? – вдруг спросил он, не сводя с неё глаз. – Кого ты заменяешь?

– ...Ольгу Владимировну, – не сразу ответила девушка, испугавшись, что её можно так просто раскусить. Прочистив горло, добавила: – Это главный маркетолог компании, а я – её помощница.

– Я в курсе, кто такая Ольга Владимировна. И прекрасно осведомлен о *тебе*.

– И как же меня зовут?

Их взгляды боролись. Понимая, что может спугнуть его любым неправильно сказанным словом, Стефания всё же решила не отказывать себе в удовольствии хоть немного насладиться аккуратными издевками. Она уверенно смотрела в темно-зеленые глаза Маркуса Ротмана и на секунду всем телом ощутила исходящую от него силу. Она была такой явной и всевластной, что могла с легкостью уничтожить любое проявление решительности. Не мудрено, что тот взрослый похотливый мужик так заметно насторожился, услышав низкий голос Маркуса. Если женщины сходили по нему с ума, то мужчины явно видели в нем сильного соперника, с которым не стоило и пробовать тягаться. А возможно, что это всего лишь её воображение.

– К сожалению, с запоминанием имен у меня ужасные проблемы.

– Ты же сказал, что прекрасно осведомлен обо мне, – приподняла она бровь, – разве имя не входит в эту осведомленность?

Он криво улыбнулся. Не дав ему возможности для ответа, Стефания отошла от холодного ограждения и со всевозможным в себе изяществом скинула его теплый пиджак. Обернувшись, она протянула его, но вместо того, чтобы забрать свою вещь, Маркус ловко ухватился за её запястье и притянул к себе. От столь неожиданного действия, Стефания потеряла не то что дар речи, но и возможность дышать, потому что её грудь была буквально прижата к крепкому мужскому телу. Это напомнило ей тот случай в лифте, когда такой же мерзавец позволил себе грубо прикоснуться к ней, за что не хило получил по своим яйцам.

– Что ты себе позволяешь? – возмутилась она, наконец найдя в себе силы для отпора. Он продолжал держать её руку и, кажется, не собирался ослаблять хватку. – Отпусти меня сейчас же!

– Потанцуй со мной, – не сказал, а потребовал он, глядя в её глаза. А потом низким и мурлыкающим голосом произнес: – Хочу отгадать твое имя.

Он показался ей ненормальным и оттого до мурашек пугающим. Сначала рычит, как хищник, а потом изображает из себя самую невинность! Ну разве не сумасшедший?

– Вот значит как это делается, да?! – вышла она из себя, с силой толкнув его в каменную грудь. Ей удалось вырваться из его хватки, вот только очень уж жестко это получилось. На запястье в мгновение ока проявился красный след. – Сначала срываешь на мне свое поганое настроение, потом угрожаешь мне увольнением, а теперь изображаешь из себя героя-любownika с садистскими наклонностями? – Потерев пылающую кожу на запястье, Стефания попятилась назад. – Не смей больше прикасаться ко мне!

Поспешив вверх по стеклянной лестнице, она думала только о том, чтобы Серафим оказался неподалеку и они могли быстро покинуть этот бал Сатаны. Она была такой глупой, соглашаясь на эту авантюру и полагая, что дело будет очень простым. Конечно, кто знал, что этот Ротман на самом деле не просто самолюбивое хамло, а жестокий диктатор, полагающий, что все вокруг должны без лишних слов выполнять каждое его требование! Наверное, даже родная мать не в курсе, какой у неё сынок на самом деле.

Когда Стефания остановилась возле странной медленно вращающейся конструкции в виде куба, она в спешке оглядела зал, полный людьми в несказанно дорогих одеждах. Они пили, смеялись и развлекались так, как привыкли делать это, наверняка, ещё с пеленок. Интересно, и в чем был смысл этого ежегодного сборища? Разве не благотворительность? Серафима нигде не было видно, и она начала паниковать. Решив набрать ему, чтобы не мотаться туда-сюда в изнуряющих поисках, Стефания пришла в ужас.

Клатч! Она оставила его на балконе...

Чувствуя себя полнейшей дурой и недотепой, пришедшей в змеиное логово абсолютно неподготовленной и с мнимой уверенностью в себе, Стефания развернулась на своих высоких каблуках, как вдруг её взгляд, точно рыболовный крючок, зацепился за один, второй, третий... Мужчины в смокингах откровенно глазели на неё, медленно проходясь по её телу похотливыми глазами. Ей казалось, что каждый из них так же, как и мерзавец Ротман несколько минут назад, грубо касается её кожи, оставляя болезненные следы. Во рту пересохло. Стефания в тысячный раз пожалела, что надела это откровенное платье, поверив словам такой мудрой женщины, как Луиза Ротман. Хотя, что уж говорить, наверняка, именно этот облегающий шелк и заставил Маркуса подойти к ней. Будь на ней что-то более сдержанное, скрывающее хотя бы ноги, этот блудливый негодяй навряд ли удостоил бы её даже своим тошнотворным взглядом.

Разозлившись на саму себя, Стефания уверенным шагом направилась в сторону лестницы, ведущей к балкону. Нацепив маску безразличия и присущую подобным людям маску неприязни к неизвестно чему, она обошла нескольких женщин, стоявших в своем собственном импровизированном кружке, и думала о том, что задаст нешуточную трепку брату, который бросил её одну и даже не удосужился присмотреть за ней. Вдруг бы ей потребовалась его незамедлительная помощь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.